

наш
XX
век

75
лет
ПОБЕДЫ

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ

ЧУЙКОВ

ОТ СТАЛИНГРАДА ДО БЕРЛИНА

ВОСПОМИНАНИЯ КОМАНДУЮЩЕГО

Наш XX век

Василий Чуйков

**От Сталинграда до Берлина.
Воспоминания командующего**

«Центрполиграф»

1989, 2022

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(0)62

Чуйков В. И.

От Сталинграда до Берлина. Воспоминания командующего /
В. И. Чуйков — «Центрполиграф», 1989, 2022 — (Наш XX век)

ISBN 978-5-227-07922-0

Книга прославленного советского военачальника дважды Героя Советского Союза Маршала Советского Союза Василия Ивановича Чуйкова посвящена в основном боевому пути 62-й армии, преобразованной после Сталинградской битвы в 8-ю гвардейскую, которая вместе с другими войсками отстояла от врага Сталинград, участвовала в освобождении Донбасса, Запорожья, Одессы, форсировала Вислу, Одер и закончила свой боевой путь штурмом Берлина. В своих воспоминаниях автор опирался на документы той поры, а также многочисленные свидетельства очевидцев и участников боевых действий. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-227-07922-0

© Чуйков В. И., 1989, 2022

© Центрполиграф, 1989, 2022

Содержание

От автора	6
Часть первая. В дни Сталинградской битвы	8
На дальних подступах	8
1	8
2	14
3	21
Южная группа	36
1	36
2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Василий Иванович Чуйков
От Сталинграда до Берлина.
Воспоминания командующего

© Чуйков В.И., наследники, 2022

© «Центрполиграф», 2022

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2022

От автора

Память... Какая это властная сила – ей не прикажешь, не откажешь. Порой она воскрешает перед мысленным взором такие картины виденного и пережитого, что сжимается сердце и выступает холодный пот. Так бывает и ночью и днем. Иногда готов упрекнуть себя, свое сердце за такую реакцию на воспоминание о былом: ведь реальная действительность текущих дней, сегодняшних событий далека от тех испытаний. Далека, но память возвращает тебя к ним – и далекое становится близким.

...Над городом кружат сотни пикировщиков, от взрывов бомб и снарядов рушатся стены домов и заводских корпусов, дыбятся земля, воздух наполнен свистом пуль и осколков, под ногами – рваная арматура, искореженные рельсы трамвайных путей, дробленые камни, воронки, ямы, а впереди, перед глазами, вершина кургана – там командный пункт армии, и ты идешь туда через круговорот огня. Идешь, получив приказ возглавить оборону центра и заводского района города, идешь, забыв об опасности, размышляя, как остановить и разгромить прорвавшиеся к городу дивизии врага.

Так было 12 сентября 1942 года, в день назначения меня командующим войсками 62-й армии, на которую вместе с войсками 64-й армии была возложена оборона Сталинграда.

...Улицы и площади Берлина, откуда взметнулось зловещее пламя Второй мировой войны, напоминают свалку металлолома и битых кирпичей. Помятые каски, перевернутые орудия, танки без башен. Пустые коробки домов шурятся обугленными глазницами окон, на задымленных стенах толстый слой пыли, дыхание перехватывает едучий тротилловый смрад. Полумрак командного пункта, бледное лицо начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерала Кребса. Он пришел вести переговоры об условиях прекращения огня в Берлине и услышал в ответ:

– Никаких условий, только безоговорочная капитуляция...

То было в ночь на 1 мая 1945 года в Берлине, на командном пункте 8-й гвардейской армии.

...Путь от Сталинграда до Берлина, по нынешним представлениям, не так уж велик – на современном турбореактивном лайнере его можно преодолеть за несколько часов, – но если измерять это расстояние шагами, да еще под шквал пуль и осколков, по заминированным полям, через укрепленные врагом оборонительные рубежи и водные преграды, то чувство гордости за советских чудо-богатырей, прошедших этот путь с упорными боями за два с лишним года, наполнит сердце.

Мне исполнилось 80 лет. В этом возрасте не грешно что-то забыть, не разглядеть за дымкой минувших лет какие-то детали, однако события, связанные с битвой за Сталинград, с боевым путем 8-й гвардейской армии от Волги до Шпрее, закончившимся штурмом Берлина, оставили в моем сознании такой несмываемый след, что кажется, это было только вчера, а не тридцать пять лет назад.

Разумеется, приступая к работе над книгой «От Сталинграда до Берлина», я опирался на документы той поры. Мне пришлось обобщить опыт руководства боевыми действиями полков и дивизий вверенной армии в оборонительных и наступательных боях. Без опоры на документы, без свидетельств очевидцев к такой работе приступать было нельзя, как нельзя строить дом без фундамента.

Однако сразу же уместно заметить, что, кроме известных исторических событий и фактов, зафиксированных в документах и специальных монографиях, современному читателю важно знать логику мышления, чувства, переживания, сомнения и радости участника событий ушедших в историю легендарных лет. И это, на мой взгляд, не просто подспорье к оживлению интереса в познании истории, а прямая помощь читателю в деле формирования его

характера, выработке его мировоззрения. А если эта тайна памяти раскрывается живым словом очевидца, человека, имеющего боевой опыт, испытанного в разных условиях на верность Родине, то такую откровенность, вероятно, следует поощрять и принимать в духовный арсенал общества.

Стержневая линия моих размышлений – боевой путь 62-й армии, преобразованной после Сталинградской битвы в 8-ю гвардейскую. Я буду рассказывать о славном боевом пути этой армии, включая штурм Берлина, весьма подробно. Ключ к размышлениям – моя живая память, которая помогает полнее и глубже осмыслить виденное и пережитое с позиций сегодняшнего дня.

Главная крепость нашего государства – человек. Убедительное свидетельство тому – стойкость и неистребимая вера наших воинов в победу даже тогда, когда, казалось, нечем было дышать и смерть преследовала на каждом шагу. Для гитлеровских стратегов истоки такого явления остались неразгаданными. Моральные силы, как и возможности ума человека, который осознает ответственность перед временем, перед своим народом, не знают измерений, они оцениваются свершениями. И долгожданное свершилось: выстояв, мы пошли на запад и дошли до Берлина! Неистощимым родником боевой энергии, творческого подхода к решению задач была и остается ленинская вера в способности людей, ставших хозяевами своей страны, без помещиков и капиталистов. Этого не суждено понять противникам нашего уклада жизни. А мы горды и благодарны нашей Коммунистической партии, которая с первых дней советской власти формировала такую моральную крепость в каждом человеке и готовила нас к суровым испытаниям во имя грядущих поколений.

И как тут не вспомнить пророческие слова великого Ленина о том, что нельзя победить того народа, который знает, за что он борется. Мы знали, за что боролись, – и победили! И пусть помнят об этом те, кто вынашивает бредовые планы новых авантюр против нашей страны, против народов социалистического содружества, иначе их постигнет та же участь, которая постигла в мае 1945 года главарей Третьего рейха.

Об умении жить и бороться в огне, об опыте формирования моральной стойкости воинов-гвардейцев, прошедших с боями от Волги до Шпрее, и пойдет речь в моих воспоминаниях и размышлениях.

Часть первая. В дни Сталинградской битвы

На дальних подступах

1

У каждого участника Великой Отечественной войны были свои подступы к тем вершинам мужества и стойкости, какие проявились в ту пору. Однако, несмотря на разность судеб и различные пути к великому ратному подвигу, все мы были сыновьями и дочерьми социалистического Отечества – первого в мире государства рабочих и крестьян.

Я родился 12 февраля 1900 года в семье крестьянина, в селе Серебряные Пруды. Тогда село входило в Тульскую губернию, теперь это районный центр Московской области.

В двенадцать лет с котомкой за спиной я ушел из дому в Питер зарабатывать на кусок хлеба. Прощание с отцовским домом означало для меня расставание с детством, вступление в пору самостоятельной трудовой жизни.

Память воскрешает мастерскую Петра Савельева – поставщика знаменитых в то время шпор с малиновым звоном. Мастерская размещалась в центре Петрограда, на Казанской улице.

Шел 1915 год. За верстаками одни юнцы и старики – рабочих угнали на германский фронт. Не разгибаемся с утра до вечера. Не успеешь обточить одну партию поковок, как у ног звякает другая связка. Берешь рогатую, в сиреновой окалине, заготовку, напильник с крупной насечкой, вставляешь в губастые тиски... Железо, чугун, сталь. Хочешь совладать с ними – не жалей сил, нажимай вовсю. Вполсилы будешь трудиться – не заработаешь на пропитание.

К полудню в мастерской становится душно, в воздухе висит густая металлическая пыль. В горле першит, руки тяжелеют, спина и плечи наливаются свинцом. Передохнуть бы, да нельзя – сзади мастер. Он отпускает от верстака только по нужде.

Надо как-то перехитрить его. Справа и слева – такие же ребята по четырнадцати – пятнадцати лет. Начинаем перемигиваться. Вскоре мастер выходит из себя.

– Бракоделы! – кричит он, размахивая руками. – Я проучу вас, мальчишки...

А мы, не сговариваясь, все, как один, бросаем работу, не шелохнувшись, смотрим на кричащего мастера. И пока он бушует, отдыхаем.

Так преподаем мы мастеру один урок, затем другой... В конце концов он перестал кричать и размахивать руками над нашими головами. Но работа от этого легче, конечно, не стала.

Нередко заходили к нам рабочие с Путиловского или с Обуховского, моряки из Кронштадта, где служил мой старший брат Илья.

– Держитесь плотнее, – говорили они.

Но что такое настоящая рабочая спайка, мы тогда не знали, наш мир был ограничен тесной, душной мастерской. Только отголоски больших событий долетали до нее.

Но вот зашумели, забурили, как реки в половодье, улицы города. Не осталась в стороне и мастерская Савельева – под верстаками, в ящиках для инструментов, стали появляться листовки, запрещенные книги, политические брошюры. Мы с жадностью набрасывались на них и пересказывали неграмотным товарищам содержание прочитанного. Поэтому весть о Февральской революции, о свержении царя не застала нас врасплох.

«Так и должно быть, – решили мы, – будем ждать перемены и в нашей мастерской».

Но никаких сколько-нибудь заметных изменений не произошло.

– Какая же это революция, если над нами остался все тот же Савельев! – возмущались ребята. – Кто его так любит?

– Известно кто, – саркастически улыбался Иван Зимин, – министры Временного, Керенский.

Иван Зимин – мой ровесник, невысокого роста, белокурый, голубоглазый парень. Он быстрее нас умел ориентироваться в сложных политических событиях тех дней, знал, что происходит в разных концах Питера, и его авторитет был среди нас высок.

Я привязался к нему с первых же встреч. Веселый, общительный, Иван обладал поистине неистощимым запасом энергии и большим чувством юмора. А как он пел! Голос слегка сипловатый, высокий; запоем – душа радуется. Когда же Ваня Зимин, ловкий и пружинистый, выходил плясать, тогда даже самые угрюмые лица озарялись улыбками. Носится по кругу волчком, запросто выделяет такие коленца, что кажется, вот-вот из-под каблучков брызнут искры. Признаюсь, я завидовал ему и охотно учился у Вани плясать. Как-то он даже назвал меня самым способным учеником. Я гордился его похвалой и таил надежду со временем одержать над ним победу.

Но случилось неожиданное. Я не могу забыть душный полдень 4 июля 1917 года. Идет мощная демонстрация. Мы, шпорники, стоим у Казанского собора. Вдруг – стрельба! Мы бежим к мастерской и врываемся в нее, опрокидывая все на своем пути... Через несколько минут в дверном проеме выросла знакомая фигура заготовщика поковок Андрея Хорева. Кузнец как-то робко переступил порог и остановился. Только тогда мы увидели, что на руках у него Ваня Зимин. Наш любимец, неловко откинув голову, будто уснул на груди Хорева.

Мы положили Ваню на верстак. Глаза закрыты, руки сжаты в кулаки... Верхняя губа с пушком белесых усов, которые еще не трогала бритва, чуть приподнята... Казалось, он собрался что-то громко сказать, но не успел. Нет, мы не верили, не хотели верить, что он мертв, что мы никогда не услышим его голоса. Ведь ему было всего лишь семнадцать лет...

Ваня погиб от пули юнкеров, стрелявших по приказу Временного правительства в рабочих, которые шли с лозунгами, требующими от министров-капиталистов удовлетворить чаяния народа и прекратить войну.

Стиснув зубы, мы стояли молча у тела товарища. Что же делать теперь, сию минуту?

Прибежал мастер. Он заикнулся было о распоряжении хозяина «убрать из мастерской труп смутьяна», но, встретив наши решительные, полные ненависти взгляды, попятился и опрометью выскочил в дверь. Наверное, он почувствовал, что мы были готовы на все.

Родных у Вани Зимина не было. Стали решать, как его похоронить.

Дело в том, что в те дни Петроград был, по существу, на осадном положении. Ходить по центральным улицам города было опасно, на любой дороге к кладбищу можно нарваться на разъезд пьяных казаков, патруль юнкеров, которые могли встретить плетками и свинцом.

Чем бы все это кончилось, сказать трудно, если б в мастерскую не заглянул мой старший браг Илья, минер Кронштадтского учебно-минного отряда. От пришел ко мне вместе со своим товарищем, тоже матросом. Узнав о нашей горе, они решили помочь.

Моряки действовали весьма хитроумно. Нашли извозчика, надели на Зимина тельняшку, матросскую бескозырку. Пролетка двинулась в сторону Конногвардейского бульвара, что неподалеку от второго флотского экипажа, куда казаки и юнкера и нос боялись сунуть. Илья сидел справа, его товарищ – слева. Они прикинулись хмельными, а между ними, будто спящий, лежал Зимин.

Мы провожали пролетку глазами до дома Пять Углов, потом она повернула в сторону флотского экипажа и скрылась из виду.

И кажется, именно в тот час, в час прощания с Ваней Зиминим, я окончательно распрощался и с юностью...

Наступил сентябрь 1917 года. Спрос на шпоры с малиновым звоном упал. Мастерская закрылась. Мы остались без работы.

Времени свободного было много, и я стал часто бывать у старших братьев – Петра и Ивана, которые, как и Илья, служили на Балтийском флоте. Именно от них я впервые услышал о Ленине, у них прочитал Манифест Коммунистической партии, познакомился с большевистскими газетами и листовками. Конечно, понять всю глубину идей Манифеста мне в ту пору было не под силу, но то, что пролетариату действительно нечего терять, кроме своих цепей, приобретает же он весь мир, что решающая роль в борьбе против капиталистов и помещиков принадлежит рабочему классу, я усвоил твердо.

Стал ясен мне и конкретный смысл большевистского лозунга: «Мир – хижинам, война – дворцам».

В один из дней я отправился в Кронштадт, чтобы повидаться с братьями. Илью на месте не застал. Он был в карауле. Недолго раздумывая, я лег на его койку и уснул. Проснулся от сильных толчков в спину, вскочил. Передо мной стоял матрос.

– Чуйков, почему ушел из караула?

Он, конечно, обознался – мы с братом были очень похожи. Я спокойно ответил:

– Я Чуйков Василий, родной брат Ильи.

Матрос этот, как я узнал после, был членом отрядного комитета. Он тут же стал расспрашивать меня:

– Как дела у тебя, зачем здесь?

Я рассказал ему о своих думах, ничего не тая. Даже признался, что ишу случая добыть оружие, чтобы отомстить Керенскому за гибель моего лучшего друга. Моя откровенность, очевидно, понравилась собеседнику. Он попросил меня зайти как-нибудь в комитет. Когда пришел брат, я рассказал ему о беседе с матросом, фамилию которого забыл спросить.

– Это товарищ Кузьмин, – ответил Илья. – Замечательный человек, большевик.

...И вот я снова отправился в Кронштадт. Илью я нашел быстро и едва успел сообщить ему о том, что работу все еще не нашел, как к нам подошел Кузьмин. Узнав, в чем дело, он предложил мне остаться в Кронштадте, в учебно-минном отряде. Я растерялся. Стать моряком в семнадцать лет, да еще кронштадтским... Что может быть заманчивей?

– Согласен, спасибо!

От одной лишь мысли, что буду носить флотскую форму, захватило дух...

Через два дня сундучок с пожитками был перевезен в Кронштадт. Меня, как и обещал Кузьмин, зачислили матросом в учебно-минный отряд.

Так началась моя новая, военная жизнь.

Перед Октябрьским восстанием раза два ездил в Питер, на Обуховский завод, к своим землякам-рабочим, узнать, какое у них настроение. Посылал меня туда с этим партийным заданием Кузьмин. Было ясно: обуховцы активно готовятся к выступлению и с нетерпением ждут сигнала.

23 октября началось формирование отрядов моряков-кронштадтцев. Отбирали каждого персонально. Одним предстояло отправиться во второй флотский экипаж, другим – на Балтийский судостроительный завод. Но меня почему-то не включили ни в один из отрядов. Об этом, вероятно, позаботился старший брат Илья. Сам он уехал в Питер с первой группой. Мне было очень обидно – ведь я тоже мог бы разоружать юнкеров. Но обижаться долго не пришлось – через день прилетела радостная весть: вооруженное восстание, руководимое Лениным, победило!.. Нашему ликованию не было предела. В те же дни мы узнали о судьбе второго старшего брата, Ивана, которого потеряли из виду еще несколько месяцев назад. Оказалось, что он в июле попал в тюрьму. Его держали в камере смертников – Иван называл Керенского предателем революции, палачом рабочего класса. Суд приговорил Ивана к расстрелу, но привести приговор в исполнение тюремщики не успели.

Наступила зима. Финский залив и Неву сковало льдом. Многие моряки перешли из Кронштадта в Питер, где выполняли задания советского правительства. Время было тревожным.

Подняли головы враги революции. Они саботировали выполнение решений народной власти, организовывали мятежи. Партия бросила на борьбу с ними наиболее надежные отряды моряков Балтийского флота. На этот раз Илья взял меня с собой. Нас послали на охрану поездов, следующих по железной дороге Москва – Саратов, откуда главным образом подвозился хлеб для центра России. Январь и февраль мы провели на колесах – в теплушках хлебных поездов.

В феврале получили от отца письмо:

«Мироеды, бывшие чиновники, купчишки смущают народ против Советов. Мне мстят за вас. Намедни подожгли ригу. Она сгорела. Семья осталась без хлеба. Нужна ваша подмога...»

Илья в тот же день взял краткосрочный отпуск.

– Едем домой, к отцу! – сказал он мне.

– Надолго?

– Посмотрим.

...Село Серебряные Пруды раскинулось в долине реки Осетр. На правом берегу размещалась его центральная часть. Прямые улицы с домами под тесовыми и железными крышами, высокие заборы. В центре площадь с торговыми дворами и каменными постройками – магазины, лавки, склады. Здесь жили богатые мужики, торговцы, прасолы, мастеровые. Слева, на другой стороне реки, по косогорью и в низине, – разбросанные как попало домишки, избы с ветхими оградами. Эта зареченская часть села называлась Кайманьевской вытью. Здесь жила беднота. Лишь дом моего отца Ивана Ионовича Чуйкова, имеющего огромную семью – восемь сыновей, четыре дочери, выделялся среди двухоконных изб слободы – он был крестовый, с шестью окнами. Ворота на дубовых столбах, вкопанных навечно. Отец, физически сильный и очень энергичный человек, всю жизнь не мог выбиться из нужды, но не мирился с ней и, напрягаясь из последних сил, строился по-солидному, прочно. В селе его звали «силач Ионыч». Когда, бывало, слободы сходились стенка на стенку, отец вставал в середину, и никто не мог устоять против него: кулак пудовый, удар резкий и точный. Но теперь ему было не до кулачных боев: сгорела рига, не осталось ни мешка семян на весенний сев, ни меры зерна на помол.

Мы вошли в дом вечером. Отец сидел за столом угрюмый и озабоченный: как прокормить такую ораву едоков, сидящих на скамейках от угла до угла? До нови, до обмолота первого урожая озимой еще далеко.

На той же неделе приехали еще два моих старших брата – Петр и Андрей. Оба женатые, жены и дети жили и кормились у отца. Сообща через комбед раздобыли несколько мешков семенного зерна. Появился хлеб. Кроме того, в имении графа Шереметева, удравшего за границу, достали корм для скота.

Вскоре Илья уехал в свой отряд, штаб которого находился на Павелецком вокзале Москвы. Мне же приказали ожидать назначения дома.

Наступила весна.

По селу пошли тревожные слухи о мятежах в разных концах страны, о сговоре капиталистических стран пойти войной против Советской России. Заглянул в одну газету, другую. Да, Антанта угрожает Республике Советов экономической блокадой, прямым вмешательством во внутренние дела страны. Они могут задушить революцию, утопить в крови революционный народ.

Как-то на лугу встретил друзей детства, своих сверстников, – Георгия Минкина, Алексея Губарева и Василия Рыкина. Все в черных однобортных куртках с белыми пуговицами: они только что окончили городское училище, что соответствовало нынешней семилетке. Их тоже тревожило многое. Не повторится ли такая же история, какая случилась с Парижской коммуной?

– Если не будем отсиживаться дома на печке и ждать у моря погоды – не повторится.

По образованию я был среди них недоучкой – окончил всего лишь четыре класса, – однако пять лет жизни в рабочем Питере давали мне право разговаривать с ними на равных.

- Что же делать? – спрашивали они.
- Готовиться к борьбе за рабочее дело.
- Как?
- Вот над этим надо подумать. Кулаками Антанту не разобьешь.

В следующее воскресенье кто-то сказал нам, что в Москве есть военные курсы, куда принимаются благонадежные рабочие и крестьяне, желающие стать командирами Красной армии. Эта весть нас окрылила. Решили узнать, так ли это. В Москву на разведку поехал Георгий Минкин. С нетерпением считали мы дни и часы, ходили на станцию встречать «разведчика». Наконец получили от него письмо. Он сообщал, что уже является курсантом Первых военно-инструкторских курсов Красной армии. Условия приема, писал он, простые. Главное – нужна справка от сельского Совета о благонадежности.

Вскоре три парня из Серебряных Прудов с деревянными сундучками прибыли в Лефортово, в здание бывшего Алексеевского военного училища, где размещались курсы.

Когда мы ввалились в вестибюль, то, конечно, нас сразу же задержал часовой. Он был из курсантов. Узнав, зачем мы пришли и кто мы, тут же доложил комиссару курсов. Долго ждать не пришлось. Комиссар вышел к нам:

- Пришли служить или учиться?

На мне был матросский бушлат и брюки клеш, – словом, моряка видно за версту. И я первый ответил:

- И учиться, и служить!

Прочитав наши справки, комиссар позвал нас к себе в кабинет. Минкин, по-видимому, услышал о нашем приезде. Он уже стоял возле кабинета комиссара и подмигивал нам. Это придало нам храбрости.

Вошли в кабинет. Комиссар, посмотрев мне в глаза, спросил:

– Чем ты можешь доказать, кроме справки сельсовета, что пришел честно служить революции?

– Делом, – ответил я и, помолчав, добавил: – Других доказательств у меня нет, но если вы позвоните на Павелецкий вокзал, начальнику отряда ЧК, то узнаете, что в отряде находится мой родной брат, матрос Чуйков Илья.

Не знаю, звонил ли комиссар на вокзал, но на второй день был объявлен приказ, в котором значилось, что Чуйков Василий Иванович и Рыкин Василий Кузьмич зачисляются во второе пехотное отделение, а Губарев Алексей Алексеевич – в артиллерийский взвод.

Так я стал курсантом Первых Московских военно-инструкторских курсов Красной армии.

– Это Питер, революционный Питер, подготовил тебя к такому шагу, – сказал Илья, увидя меня в новой военной форме. – Ты должен стать настоящим командиром.

Да, теперь, спустя много лет, я с чувством искренней признательности вспоминаю революционный Петроград, товарищей, их боевой дух. Город на Неве – первая значительная веха на моем жизненном пути. Я всегда думаю о нем с благоговением.

Тревожная весть о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз застала меня в Китае, в Чунцине. Там, в Чунцине, находился в то время главнокомандующий всех китайских вооруженных сил Чан Кайши и при нем я – главный военный советник и советский военный атташе.

Когда я уезжал в Китай, война уже в полную меру охватила всю Западную Европу. Пали Польша, Дания, Норвегия, Бельгия, Нидерланды, Франция. Ожидалось фашистское вторжение на Британские острова. Мужественные английские летчики отражали массированные удары фашистского воздушного флота по мирным городам. Горел Лондон, превращался в руины Ковентри.

После войны, когда стали доступны гитлеровские архивы, мы узнали, что уже осенью 1940 года Гитлер отказался от мысли форсировать Ла-Манш. В стратегические и тактические решения явно вмешивались соображения политического характера. Нам, людям военным, это стало ясно, как только форсирование Ла-Манша перенесено было гитлеровским командованием на весну 1941 года.

Критическое положение Англии после Дюнкерка, когда английскому экспедиционному корпусу с большим трудом удалось выскользнуть, заметно выправлялось. Воздушные налеты на Англию не поставили английский народ на колени. Выравнивалось и соотношение сил в воздухе. Из США в Англию шли караваны судов с самолетами. Промышленность Америки пока еще медленно, но переводилась на производство вооружения всех видов.

На Дальнем Востоке милитаристская Япония ждала момента, чтобы вступить в борьбу за источники сырья, рынки сбыта и сферы влияния.

Тогда я работал в Китае. В мои задачи входило: помочь китайскому народу в организации борьбы с японской армией, которая уже захватила главные промышленные центры и морские порты Китая, попутно выяснить позицию Японии по тихоокеанской проблеме. Проводя по-прежнему милитаристскую политику, она должна была расширить границы своей агрессии. Куда? – вот в чем вопрос.

Советское правительство и советская дипломатия делали все возможное, чтобы избежать войны. Это было главной задачей советской внешней политики.

Нам необходимо было выиграть год, два года, чтобы завершить перевооружение армии.

Наша авиационная промышленность имела опытные образцы самолетов, превосходящие немецкие самолеты по боевым качествам. Опытные образцы уже запускались в серийное производство. В Красной армии создавались механизированные корпуса. Наша промышленность осваивала серийный выпуск танка Т-34 и КВ, которые по боевым качествам превосходили немецкие танки. Запускались в серию новые виды стрелкового оружия.

Теперь известно, что мы имели множество неопровержимых сообщений о сосредоточении гитлеровских войск вблизи от нашей государственной границы. Сталин, наше правительство делали все возможное, чтобы оттянуть начало войны, чтобы каким-то неосторожным жестом не спровоцировать вторжение врага. Мы вынуждены были держать мощный заслон и на наших дальневосточных границах.

Гитлер в это время вел острую политическую игру. Различными каналами, через частных лиц, он прощупывал позицию Англии: не пойдет ли английское правительство на мир? не облегчит ли оно ему нападение на Советский Союз?

Гитлер все же решился на вторжение в Советский Союз, получив тем самым войну на два фронта. Были ли даны ему какие-либо надежды, что после вторжения Англия пойдет с ним на мир? Во всяком случае, такой зондаж с немецкой стороны имел место.

Война грянула.

Мне было тяжело в те дни в Китае, сердцем я был дома, со своими товарищами, которые отстаивали Родину, но задача моя была еще не выполнена.

Обстановка на фронте летом 1941 года складывалась трудно. Пал Минск, враг захватил Смоленск, рвался к Москве, был окружен Ленинград, пал Киев.

Нарастала опасность выступления Японии. Казалось бы, японские милитаристы не упустят благоприятного момента для нападения на наш Дальний Восток. Но как раз к осени начали проявляться симптомы, что Япония готовится к удару на юг, что она нацеливается и на США.

Об этом шли соответствующие сообщения в Москву, но полностью полагаться на наши источники информации было нельзя. Слишком велик был риск получить удар в спину на Дальнем Востоке. К осени определилось, что Япония готовится к нападению на США, это позволило Верховному главнокомандованию снять часть дивизий с Дальнего Востока в трудные дни сражения под Москвой.

Вскоре Япония напала на Пёрл-Харбор, Германия и Италия объявили войну США.

2

В начале марта 1942 года я вернулся в Москву.

...Москва. Здесь в 1918 году, на Первых Московских военно-инструкторских курсах Красной армии, окончательно определилось мое призвание.

Оказавшись тогда в курсантском строю, я, конечно, не сразу привык к строгому режиму армейской жизни.

– Подъем!..

Дневальный кричит, не жалея горла. Его голос прерывает самый сладкий утренний сон. Курсанты вскакивают как ошпаренные. Через две-три минуты все в строю. Зарядка, умывание, утренняя переключка и снова строй. Без строя ни шагу. В столовую, в классы, в поле, на стрельбище, на плац – только нога в ногу, только со строгим равнением в рядах.

Тактика, огневая, ружейные приемы, штыковой бой – все с полным напряжением сил от подъема до отбоя. Курсант не солдат, ему дается двойная нагрузка. Хочешь быть командиром – терпи, закаляйся, готовь себя к суровым испытаниям.

Обучали нас бывшие офицеры царской армии. Учили, надо сказать, прилежно.

– Коли штыком! Бей прикладом! Не так. Выпад! Укол! Отбой! Вперед! Назад! Прикройся!

Так раз 10–15 подряд, да еще с перебежками, пока хватит сил держаться на ногах. Вероятно, нам давали чрезмерную нагрузку, муштровали с перебором, может быть, даже намереваясь отбить охоту стать командирами, но меня лично это ничуть не угнетало. Наоборот, хотелось еще больших трудностей, проверить, получится ли из меня краском. Ведь предстояли схватки с опытными, вышколенными офицерами и солдатами белой гвардии, с интервентами. Идти в бой без подготовки, без веры в свои силы – значит погибнуть...

По воскресеньям, получив на всякий случай по 15 боевых патронов, мы выходили на прогулки по Москве с оркестром. Водили нас из Лефортова по Садовому кольцу, Мясницкой и Тверской улицам. Пройти 20 километров было не так-то легко, если учесть, что дневной паек курсанта составлял фунт хлеба. Но ходили мы бодро, с песнями, ибо знали цель этих прогулок – показать жителям, друзьям и недругам, что у советского правительства есть такие надежные и преданные части, которые в случае необходимости могут дать достойный отпор вылазкам контрреволюции.

Утром 2 июля 1918 года нас срочно вернули с полевых занятий, приказали привести в порядок обмундирование и строем повели в манеж на митинг. Там была наша столовая. Когда мы пришли туда, то увидели, что столы убраны, стоит трибуна, а зал переполнен красноармейцами-добровольцами. Все чего-то напряженно ждали.

Внезапно дверь манежа открылась, и к трибуне быстрыми шагами прошел человек среднего роста. И сразу же оттуда, от трибуны, покатила волна дружных аплодисментов. Как бы ударившись о каменные стены, она с еще большей мощью ринулась обратно, и теперь уже со всех сторон зала полетели восторженные возгласы:

– Ленин! Ленин!

Они слились в единый, все нарастающий гул.

– Да здравствует товарищ Ленин!..

Владимир Ильич быстро взошел на трибуну, поднял руку, прося тишины. Мне показалось, что он очень торопится, спешит, ему некогда и недосуг пережить этот шум. Все притихли.

– Товарищи...

Слово прозвучало с такой доверительностью, что казалось, это не начало речи великого вождя, а продолжение прерванной беседы: заботы и думы вслух среди верных, старых друзей. Да, в этом зале были его верные и преданные друзья. И вероятно, в том и было его величие, что он вот так, одним жестом, одним словом, приближал к себе людей и начинал беседу на равных. Он поднимал слушателей до уровня осознания высокой ответственности за судьбу народов Советской страны, за интересы всего международного социализма. Он так и сказал в конце речи, что мы победим, «если передовые авангарды трудящихся, Красная армия будут помнить, что они представляют и защищают интересы всего международного социализма»¹.

Как я слушал Ленина, что делалось со мной – едва ли можно передать словами. Скажу только, что я был весь – внимание, весь – зрение, никого, кроме Ильича, не видел. Его слова звучали в моих ушах, как набатный колокол, зовущий на подвиг, на самоотверженное дело. От возбуждения стало тесно в груди, захватило дыхание.

Особенно врезался в память рассказ Ленина о случае из недавнего прошлого. В Финляндии он услышал, как старая финка-крестьянка, увидев на перроне красноармейцев, сказала, что раньше многие, в том числе и она, боялись собирать хворост в помещичьем лесу, его охранял человек с ружьем, а теперь, наоборот, он не только не опасен, но и охраняет ее, помогает ей.

Под гром аплодисментов и крики «ура» Владимир Ильич закончил речь, быстро сошел с трибуны и зашагал к дверям. Там, на секунду остановившись, повернулся к нам, улыбнулся и помахал рукой.

Курсанты долго не расходились из манежа, взвешивали каждое слово Ильича. Помню, я тогда твердо решил: если потребуется, останусь «человеком с ружьем» на всю жизнь; это самая важная должность на земле – защищать трудовой народ...

В начале июля нас перевели в лагерь под Москву – в Серебряный Бор, где проходили полевые занятия. Увольнения запретили.

Рано утром 6 июля курсантов подняли по боевой тревоге и выдали по 60 боевых патронов. В лагерь прибыл представитель от товарища Свердлова. Комиссар курсов объявил перед строем, что в Москве левые эсеры подняли контрреволюционный мятеж. Они хотят сорвать Брест-Литовский мирный договор с Германией. Эсеры убили германского посла Мирбаха. Мятежники заняли телефонную станцию, телеграф, арестовали некоторых членов советского правительства, в том числе товарища Дзержинского. Штаб левых эсеров обосновался в Трехсвятительском переулке, пояснил комиссар Масленников. Руководит подавлением мятежа сам Владимир Ильич Ленин, а войсками командует товарищ Вацетис... Товарищ Ленин приказал: курсантам вместе с латышскими частями захватить штаб левых эсеров и подавить выступление...

Спустя некоторое время отряд под командованием комиссара двинулся к Москве. Нашу роту возглавлял ротный курсовой командир, фронтовик, бывший офицер Андреев. Я шел с первым взводом этой роты. Командовал взводом москвич Полетаев. Путь к Трехсвятительскому переулку он избрал самый короткий.

Взводу была придана одна трехдюймовая пушка. Артиллеристы перекачивали ее на руках. Мы продвигались вперед вдоль стен короткими перебежками. Вскоре из Трехсвятительского переулка ударил пулемет. Один из курсантов, перебежавший улицу, упал.

В ответ на пулеметный огонь ахнула наша пушка. Раз, другой... Третьего выстрела я не услышал: оказавшись чуть впереди пушки, я оглох от грохота. Звон в ушах как бы изолировал мой слух от внешних звуков. Вижу: вздрагивают винтовки в руках товарищей, кудрявится пороховой дымок у стволов, – значит, идет пальба; товарищи с открытыми ртами бегут вперед – это уже началась атака. Я делаю то же и стараюсь не отстать от бегущих.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 486.

В глубине переулка, на мостовой, вырастают косматые кусты дыма с клиньями огня – это рвутся снаряды. Их все больше, – значит, не одна наша пушка посылает сюда свои гостинцы. Земля под ногами вздрагивает все чаще и чаще. Артиллерия бьет залпами. Справа и слева по смежным улицам наступают курсанты и латышские стрелки.

Когда мы подскочили к зданию штаба, стрельба прекратилась. Из окон валил дым. Все стекла были выбиты. Из подъездов выходили мятежники с поднятыми руками.

Большинство участников мятежа было арестовано. Мы потеряли одного товарища.

Мятеж был подавлен очень быстро, потому что левых эсеров никто в Москве не поддерживал. На следующий день Москва и москвичи работали так, как будто ничего не произошло.

9 июля весь личный состав курсов вышел на похороны убитого товарища (фамилию его я, к сожалению, забыл). Хоронили его на Всесвятском кладбище.

Когда под звуки траурного марша стали опускать гроб в могилу и загремели залпы винтовок – трехкратный прощальный салют, – я как бы вновь ощутил напряжение того момента, когда мы под пулеметным огнем ринулись в атаку на мятежников.

Побывав под огнем вражеских пулеметов, курсанты – будущие молодые командиры – вдруг словно повзрослели. Учеба приобретала теперь иной, практический смысл.

В ночь на 31 августа снова раздалась команда:

– В ружье!

По голосу дежурного было ясно, что это не обычная учебная тревога.

Я кинулся к пирамиде с оружием. Схватил свою винтовку, поставил рядом с койкой и начал одеваться.

– Получите боевые патроны! – распорядился дежурный.

В темноте нас построили, сделали перекичку, а затем разделили на группы и развели в разные стороны.

Меня и еще семь курсантов посадили в автомашину. Эту группу возглавляли два товарища из ЧК. Один сел рядом с шофером, другой – с нами в кузов. Когда тронулись, чекист, что сидел с нами, сказал:

– Сегодня было совершено покушение на товарища Ленина. Сжалось сердце.

«Где? Кто? Как? Жив ли он?» – роились в голове вопросы, но спросить не хватало смелости.

– Ленин остался жив, – как бы отвечая нам, сказал товарищ. И далее объяснил, что мы едем в район расположения явочного пункта крупных контрреволюционеров, которых надо во что бы то ни стало арестовать.

С той минуты я ни о чем не думал, ничего не замечал – только бы поскорее встретиться с врагами и отомстить за Ленина!

Как мы ехали по темным улицам и куда нас привезли – я от перенапряжения не понял. Помню только, что это было за городом, в каком-то дачном поселке. Оставив машину на окраине, мы прошли несколько сот шагов вперед, в глухую темноту. Здесь чекисты остановили нас, дали осмотреться. Вскоре из темноты выступили очертания дачного забора. В глубине – крыша высокого дома. Расставив нас вокруг дачи, чекисты строго наказали: никого не пропускать и не выпускать – и, взяв с собой двух курсантов, перелезли через забор.

Прошло десять, а может быть, и более томительных минут. В окнах дома зажегся свет, и одновременно раздалось два выстрела. Послышался звон разбитых стекол. Я услышал топот бегущего и притаился. На фоне светлеющего неба над забором мелькнул силуэт незнакомого человека.

– Стой! Стрелять буду!

Но тот уже прыгнул вниз. В это же мгновение я выстрелил. Невдалеке от меня что-то шмякнулось на землю – и снова тишина. Ни стопа, ни шелеста. Напрягаю зрение. Неужели

промазал? Нет, не может быть. Однако надо быть готовым ко всему. Держу винтовку на боевом взводе...

Через несколько минут из дачи донеслись знакомые голоса. Шли свои. В руках у них светились карманные фонарики.

– Кто стрелял? – подходя ко мне, спросил один из чекистов.

– Я.

– Он ушел?

– Как будто нет...

Подошла машина, мы погрузили в нее убитого и, посадив двух арестованных, отправили в Москву, на Лубянку.

Утром 31 августа улицы столицы заполнили колонны москвичей с плакатами, на которых было написано: «Против белого террора мы требуем красный террор!» Я гордился тем, что хоть как-то отомстил за покушение на Ильича, что уже делом сумел ответить на призыв рабочих.

В казарме меня ждали письма от братьев – Ивана и Ильи. Они сообщали, что выехали на подавление кулацких восстаний. «Значит, и в деревнях эсеры делают свое черное дело», – заключил я, прочитав письма. И снова подумал о своем призвании. На память пришли думы, навеянные речью В.И. Ленина в манеже: да, быть человеком с ружьем, охранять завоевания революции – вот мое призвание.

В начале сентября приказом по Московскому гарнизону была объявлена перерегистрация всех бывших офицеров, проживающих в Москве. Они должны явиться к нам в помещение манежа. Перерегистрацию проводили работники ЧК, мы же несли охрану.

Надо сказать, что это мероприятие советского правительства застигло врасплох тех офицеров, которые состояли в контрреволюционных организациях. Они бросились на вокзалы, чтобы уехать туда, где формировались белогвардейские войска. Но на вокзалах и железнодорожных платформах были расставлены отряды чекистов.

Помню, к нам хлынули сотни людей. Некоторых, не замешанных в заговорах против советской власти, тут же отпускали на работу, но большинство явившихся требовало тщательной проверки. Комиссия работала день и ночь. Мы, курсанты, также круглосуточно несли усиленные наряды.

Сентябрь 1918 года ознаменовался радостным событием. Красная армия, разгромив объединенные силы чехословаков и белогвардейцев, развернула широкое наступление на Казань и Симбирск. Разгорались бои на Восточном, самом опасном для республики фронте. А мы по-прежнему прилежно грызли гранит военной науки. Конечно, мы понимали, что рано или поздно наше обучение закончится, нам дадут командирские удостоверения – и в путь... Но все-таки это случилось гораздо раньше, чем мы предполагали. Поступил приказ: «Срочно направить курсантов в распоряжение Подвойского на Южный фронт против белых войск генерала Краснова».

– Экзамен в конце октября. Мы отзовем вас с фронта, – предупредил Масленников, вручая нам предписания.

«На фронт, на фронт, на фронт», – выстукивали колеса вагонов, приближая нас к цели. Эшелон остановился в Балашове. Там, на запасных путях, стоял штабной вагон председателя Всероссийской коллегии по организации и управлению Красной армией Николая Ильича Подвойского.

Подвойский тотчас же пригласил курсантов к себе. Он принимал нас в своем вагоне группами – человек по десять. Я попал в первую группу.

Усталый, с воспаленными глазами, Николай Ильич поздоровался с каждым из нас за руку и тут же поставил перед нами задачу: отправиться на укомплектование частей бригады Сиверса.

– В бригаде, – сказал он, – еще существует выборное начало. Командиров не назначают приказом вышестоящих штабов, а выбирают сами солдаты. Вы прибыли на командирские должности, однако рекомендую входить в свою роль с учетом этого обстоятельства. Приглядитесь и при первой возможности доложите мне о настроении красноармейцев и командиров.

...На станции Родничок в штабе бригады нас принял Сиверс – белокурый, худощавый командир высокого роста, в солдатской гимнастерке, туго перехваченной ремнем. В откровенной беседе он сказал:

– Выборность командиров сильно укоренилась в войсках. Переломить настроение людей не так просто. Предложить вам самостоятельные должности пока не могу. Советую пойти помощниками или заместителями командиров. Ближе познакомитесь с подчиненными, покажете себя в бою, а там будет видно...

Мы, конечно, не могли с ним не согласиться. Я был назначен помощником командира роты в один из полков бригады.

Прибыв в подразделение, которое обороняло село Новый Родничок, я сразу почувствовал, что красноармейцы смотрят на меня с нескрываемым недоверием. Обстрелянные еще в империалистическую войну, они прошли большую школу боев с белогвардейцами, а тут перед ними безусый юнец – и туда же, явился на командирскую должность. Они видели во мне человека, чем-то похожего на бывших офицеров. Посыпались соответствующие вопросы:

– Давно ли получил офицерские ремни?

– Зачем прилепил на грудь инструкторский значок?

– Почему наган в кобуре, а не за поясом?

Оправдываться перед солдатами было бесполезно. Я смолчал.

Бригада занимала широкий фронт, но обороняла отдельные села, не имея сплошного переднего края. Непосредственного соприкосновения с противником не было. Белогвардейцы, особенно казаки, совершали налеты – чаще всего ранним утром. Ударят по заставам, наделают шуму – и скроются.

Бороться с налетчиками было нелегко. Основу их тактики составляла внезапность. Поэтому необходимо было сначала ознакомиться с местностью, изучить скрытые подходы к населенным пунктам.

Я вставал до рассвета, брал с собой нескольких бойцов, обходил все заставы, караулы, секреты и возвращался к командиру роты с подробным докладом.

Но вот прошла неделя, и ни одной схватки с налетчиками. Красноармейцы по-прежнему смотрели на меня с таким прищуром: дескать, стараешься, курсант, но еще неизвестно, что из тебя выйдет, а мы вот умеем не только воевать, но и веселиться.

Помню, как-то они затащили меня на свадьбу. Женился один из бойцов на местной девушке. Свадьбу устроили в школе. Среди приглашенных были и командиры. Заиграла гармонь.

Кто-то из красноармейцев, обернувшись в мою сторону, крикнул:

– А ну, москвич, давай спляшем!

– Давай, – ответил я, – только не вижу стоящего партнера.

– Ах, вот ты какой! – закричали со всех сторон. – А ну выходи на круг, мы тебя общиплем... Ты еще узнаешь наших...

– «Яблочко», – попросил я гармониста.

В центр круга вышел щеголеватый пулеметчик – и давай, не жалея сил, выстукивать каблуками залихватскую дробь. Он сделал несколько красивых колен и остановился. Я прошелся по кругу точно так, как это делал Ваня Зимин. Развернулся, отбил чечетку, затем... Ох эта матросская «натирка полов», которую разучивал я с Ваней до пота в пятках! Кажется, она получается, я будто обрел крылья и пошел, пошел... Теперь уже все вскочили, заулыбались, захлопали в ладоши. Затем подхватили на руки и начали качать.

– Вот это дал! Курсант – свой парень...

Может быть, именно в эту минуту произошел тот сдвиг в отношениях с красноармейцами, которого я добивался так мучительно долго. Но это было, конечно, лишь начало: бойцы могли признать во мне командира не по пляске, а по поведению в бою.

Вскоре после этой свадьбы, выйдя рано утром к хутору, что находился в двух километрах от села, я заметил белогвардейцев, крадущихся вдоль железнодорожного полотна. У меня тут же мелькнула мысль угостить белых ударом из засады.

Пригнувшись, я побежал на заставу, находящуюся в стороне от железной дороги, а сопровождающего меня бойца послал в село – предупредить командира роты...

Расчет был прост: поднять заставу, вывести ее в хвост белогвардейским налетчикам и, как только они завяжут бой за село, ударить по ним с тыла.

И вот заставка поднята. Объяснив задачу, осторожно по балке с мелким кустарником веду бойцов к железной дороге. Нас – двадцать три человека. Белогвардейцев раз в шесть больше – сотни полторы. Но меня это не смущает: красновцы рассчитывают нанести внезапный удар по селу с фланга, мы – неожиданный для них с тыла.

Притаились, ждем... До насыпи шагов двести. Позиция у нас выгодная – пригорок. С него видно все, что делается справа и слева. Белогвардейцы как на ладони...

Послышалась стрельба. Ясно: враги обнаружили себя. Надо повременить еще несколько минут. У них, вероятно, есть тыловое прикрытие. Пусть и оно втягивается в перестрелку. Так и случилось. Вижу, вдоль железной дороги несутся две пароконные повозки с пулеметами. Вот они выскочили на возвышенность, развернулись невдалеке от своей цепи и застрочили по селу. Теперь пора вступать в дело и нам.

Вскакиваю во весь рост:

– Взвод, за мной!

Белогвардейские пулеметчики азартно ведут огонь по селу, не замечая, что мы бежим к ним с тыла.

– По пулеметам, взводом... пли!

Залп двадцати трех винтовок сделал свое дело.

Захватив пулеметы, мы тут же открыли из них огонь по налетчикам.

Не выдержав перекрестного огня с фронта и с тыла, красновцы бросились бежать в степь, оставляя на поле боя убитых и раненых.

Нам достались богатые трофеи: около ста винтовок, две пароконные повозки, два станковых пулемета «максим» и 38 пленных.

В тот же час мне стало известно, что командир роты серьезно ранен. Из штаба полка прибежал ко мне связной с приказом о назначении меня командиром роты. «А как же выборность? Что скажут по этому поводу красноармейцы?» – подумал я, еще не зная, как вести себя в такой обстановке. Однако тут же сами бойцы подсказали мне выход:

– Принимай роту и команду.

И каждый теперь обращался ко мне по всем правилам: «Товарищ ротный».

Так я стал командиром роты.

Через месяц поступило распоряжение, отзывавшее всех курсантов в Москву на экзамены.

Наша группа командиров-инструкторов, находившихся в бригаде Сиверса, возвращалась без моего друга Василия Рыкина. Он погиб. Мы служили в разных частях, поэтому подробности его гибели я узнал лишь перед самым отъездом. В штабе бригады мне сообщили, что Рыкин, находясь в разведке, попал со своим взводом к красновцам. Кругом голая степь. Во взводе – 14 человек. Отходя, они отстреливались до последнего патрона и все до единого были перебиты. Василий Рыкин распрощался с жизнью в восемнадцать лет... Для него этот первый экзамен – боевой экзамен на фронте – оказался последним. Но выдержал он его с честью, как и подобает красному командиру.

И снова Лефортово.

Пополнение наших знаний началось с политической подготовки. Лекции читали видные деятели Коммунистической партии: Я.М. Свердлов, А.М. Коллонтай, Д.И. Курский и другие. Надо ли говорить, с каким вниманием мы впитывали все сказанное ими, какие словесные баталии разыгрывались у нас после занятий!

Вскоре все, кто побывал на фронте, получили удостоверения «Красный офицер» без экзаменов. Вместе с таким удостоверением мне и еще шестерым товарищам по курсам вручили предписание отбыть в Приволжский военный округ, в Казань, на формирование 40-го стрелкового полка.

Перед отправкой красные офицеры были приглашены в Дом союзов на объединенное заседание ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов. И тут на мою долю вновь выпало счастье увидеть и услышать Владимира Ильича Ленина.

Мы пришли в Дом союзов в новом командирском обмундировании, подтянутые, праздничные.

Заняли свои места, притихли, председательствующий – Яков Михайлович Свердлов объявил:

– Слово предоставляется председателю Совета народных комиссаров Владимиру Ильичу Ленину.

Сначала показалось, что я ослышался или Яков Михайлович оговорился: ведь со дня покушения на Владимира Ильича прошло совсем немного времени и было известно, что после ранения отравленными пулями он перенес тяжелую операцию, что ему надо еще лежать, лечиться и лечиться...

Но вот он подходит к трибуне.

Зал замер. Затем будто громовой раскат:

– Ур-ра!

Горячие рукоплескания – и снова «ура!». Как в атаке, как после взятия крепости – победное и неумолкаемое.

Так длилось несколько минут.

Наконец в наступившей тишине зазвучал голос вождя. Владимир Ильич говорил об опасности, которая угрожала республике и революции. Раскрывая планы Антанты, он разоблачал подлую деятельность империалистических кругов различных стран, снабжающих белогвардейские войска оружием, боеприпасами, обмундированием. Вторая часть его доклада была обращена непосредственно к нам, военным.

«Мы знаем, – говорил он, – что перелом в сознании Красной армии наступил, она начала побеждать, она выдвигает из своей среды тысячи офицеров, которые прошли курс в новых пролетарских военных школах... Теперь мы говорим, что армия у нас есть; и эта армия создала дисциплину, стала боеспособной»².

...Объединенное заседание еще продолжалось, а мы были уже на Казанском вокзале, в вагонах. Мне хотелось как можно быстрее прибыть к месту назначения. В пути не выходили из головы слова Ильича. И тусклое – светлело, пыльное – очищалось, рассыпанное – объединялось, гнилое – отваливалось, сомнительное – прояснялось.

Так я расстался тогда с Москвой, отправляясь на Восточный фронт. Расстался на несколько лет, готовый сражаться до последнего вздоха с интервентами и белогвардейцами, которые рвались к столице Советской России, где жил и работал великий Ленин...

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 124.

3

Спустя более двадцати лет, в марте 1942 года, вернувшись из далекого Китая, я увидел Москву значительно строже и организованней, чем в ту пору. Хотя в битве под Москвой гитлеровские войска были разгромлены и отброшены на 100–250 километров, обстановка оставалась напряженной. Над городом висели аэростаты воздушного заграждения, зенитные батареи были готовы к бою, кое-где виднелись воронки от вражеских бомб, на лицах москвичей читалась озабоченность за судьбу Родины.

– На фронт, на фронт, – просился я, отчитавшись о своих делах в Китае.

То был не просто порыв, напоминающий краскомовскую молодость начала Гражданской войны. Нет. Мне уже исполнилось 42 года, за плечами был опыт командования войсковыми соединениями, а во время военного конфликта между СССР и Финляндией командовал армией, и мне было присвоено звание генерал-лейтенанта. Поэтому я страстно хотел как можно скорее принять непосредственное участие в борьбе с фашистскими захватчиками и, если представится возможность, внести свой вклад в дело победы над гитлеровской армией...

Истекал одиннадцатый месяц войны. Главным событием этого периода был разгром немецко-фашистских войск под Москвой. Это было первое крупное поражение гитлеровцев во Второй мировой войне. План «молниеносной войны» против Советского Союза потерпел крах. Германия потеряла наиболее опытный кадровый состав офицеров и солдат, особенно танкистов и летчиков. Гитлеровские стратеги встали перед фактом затяжной войны.

В свою очередь, Советскому Союзу нужно было время для создания и подготовки новых стратегических резервов, к формированию которых приступили весной 1942 года. Формирование их в короткие сроки было связано с большими трудностями. На территории, временно оккупированной врагом, в 1941 году проживало 40 % населения страны, находились тысячи промышленных предприятий, обеспечивавших Красную армию боевой техникой, вооружением и боеприпасами. Однако эвакуированные в глубь страны заводы смогли не только восстановить утраченные мощности, но и значительно превзойти их.

Благодаря самоотверженному труду советского народа в первом полугодии 1942 года производство вооружения, боеприпасов и боевой техники выглядело так: если во второй половине 1941 года винтовок и карабинов производилось 1 567 141, то за 6 месяцев 1942 года их было выпущено 1 943 397; минометов 120-мм – 10 046 вместо 2315; танков всех типов – 11 178 вместо 4849; боевых самолетов – 8268 вместо 8,2 тыс.

Начиная с мая 1942 года во фронтах начали формироваться воздушные армии. Это отвечало требованиям войны. Танковые армии смешанного состава и танковые корпуса составляли резерв Ставки Верховного главнокомандования, в зависимости от обстановки передавались на усиление фронтов, действующих на главном направлении.

Как же реагировали правящие круги наших союзников – США и Англии – на обстановку, сложившуюся на советско-германском фронте к лету 1942 года? Как они выполняли союзнические обязательства?

В то время, когда 80 % состава вооруженных сил фашистского блока действовали на советско-германском фронте, военные руководители Англии и США спокойно, без помех со стороны противника, готовили свои вооруженные силы для действий на других второстепенных фронтах. К лету 1942 года Англия и США имели более чем десятиmillionную армию, большое количество бронетанковых войск, сильную авиацию и военно-морской флот. В сложившейся обстановке наше правительство настойчиво требовало от Англии и США открытия второго фронта на Европейском театре военных действий.

Правящие буржуазные круги Англии и США заверяли, что второй фронт в Западной Европе будет открыт в 1942 году. Но эти обещания были рассчитаны на успокоение обществен-

ного мнения, прежде всего народов США и Англии, настоятельно требовавших скорее оказать активную помощь Советскому Союзу. Ведь союзники знали, что из Германии и оккупированных ею стран Западной Европы на советско-германский фронт перебрасывались свежие дивизии с Запада. «На 1-е мая 1942 года на Востоке недостает 318 тысяч человек. Предложено в мае направить в армию на Восток 240 тысяч человек. На период с мая по сентябрь имеется резерв из молодых призывников 960 тысяч человек. Затем в сентябре больше ничего не останется», – писал в своем дневнике генерал-полковник Гальдер. Чтобы восполнить потери на советско-германском фронте, Гитлер вынужден был пойти на крайние меры, мобилизовать в армию всех немцев в возрасте от 18 до 45 лет, а также начать призыв из возрастной группы от 46 до 55 лет.

Кроме пополнения людьми советско-германский фронт потребовал от врага увеличения выпуска военной продукции, особенно тяжелого оружия, производство которого в 1942 году по сравнению с 1941 годом увеличилось: танков, самоходных установок и штурмовых орудий – с 3806 до 6189, минометов – с 4230 до 9780, боевых самолетов – с 9540 до 11 408, штурмовиков – с 3660 до 6000.

Кроме того, несмотря на то что США находились в состоянии войны с гитлеровской Германией, американские монополии продолжали поставлять ей стратегическое сырье. Даже в 1942 году Германия получила из США через Испанию 406 тыс. тонн хлеба, 227 тыс. тонн угля и кокса, 170 тыс. тонн горючего и 1500 тонн резины. Все, вместе взятые, мероприятия и пассивность наших союзников позволили фашистскому блоку сосредоточить к весне против Советского Союза более чем 6-миллионную армию, около 57 тыс. орудий и минометов, свыше 3 тыс. танков и до 3500 боевых самолетов. Силы значительные. Начинал войну Гитлер с меньшими по численности силами.

Правда, на этот раз полоса наступления была сужена. Все силы для нового удара были сосредоточены на южном крыле фронта, с последовательным расширением полосы наступления к северу.

Гитлер предпринял поход на Кавказ с целью захвата нефтяных источников, выхода к границе Ирана, к Волге. Он, видимо, рассчитывал, что на удалении от центра страны сопротивление советских войск не будет столь основательным.

В мою задачу не входит описание всех событий на фронте весной 1942 года, но, готовясь к рассказу о Сталинградской битве, я не могу в общих чертах не коснуться замыслов фашистского командования, ибо это поможет читателю оценить значение событий, разыгравшихся на Волге.

Эти замыслы гитлеровского политического руководства и военного командования были изложены в директиве ОКВ № 41 от 5 апреля 1942 года, а в июле конкретизированы в директивах № 44 и 45.

Обратимся к тексту директивы № 41.

Она начинается такими словами: «Зимняя кампания в России приближается к концу. Благодаря выдающейся храбрости и готовности солдат Восточного фронта к самопожертвованию наши оборонительные действия увенчались большим успехом немецкого оружия. Противник понес огромные потери в людях и технике. Стремясь использовать мнимый первоначальный успех, он израсходовал этой зимой большую часть резервов, предназначенных для дальнейших операций».

Мы видим, что в своей предпосылке немецкое командование совершенно неверно оценивает наши силы и поражение свое под Москвой пытается изобразить как военный успех. Недооценивая наши силы, Гитлер в то же время переоценивает свои.

Отсюда в этом документе и определяется цель.

«Цель заключается в том, – гласит директива, – чтобы окончательно уничтожить оставшиеся еще в распоряжении Советов силы и лишить их по мере возможности важнейших военно-экономических центров.

...В первую очередь все имеющиеся в распоряжении силы должны быть сосредоточены для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет».

Был предпринят удар под Керчью, штурм Севастополя. Гитлер сумел ценой огромных жертв полностью овладеть Крымом, подготовить фланг своего наступления на Кавказ и на Волгу.

Севастополь держался до начала июля, несмотря на все усилия захватчиков овладеть городом непрерывными штурмами.

12 мая 1942 года войска Юго-Западного фронта перешли в наступление, нанося два удара по сходящимся направлениям: с барвенковского выступа, в обход Харькова, – с юго-запада; вспомогательный – из района Волчанска.

События, связанные с этим наступлением, широко рассматривались в исторической литературе и в мемуарах видных советских военачальников. Мне нет нужды рассказывать о них, не нуждаются они и в моих комментариях. Известно, что это наступление окончилось трагической неудачей. Наступление гитлеровцев на Волгу, на Воронеж и на Кавказ было запланировано значительно раньше, оно дало возможность противнику сломать нашу оборону и развить его вглубь и вширь. Гитлеровское командование удачно использовало сложившуюся ситуацию. Бывший гитлеровский генерал Курт Типпельскирх пишет:

«Для запланированного немецкого наступления попытка русских помешать ему была только желанным началом. Ослабление оборонительной мощи русских, которого было не так-то легко добиться, должно было существенно облегчить первые операции. Но требовались еще дополнительные приготовления, которые заняли почти целый месяц, прежде чем немецкие армии, произведя перегруппировку и пополнив все необходимое, смогли начать наступление»³.

К концу июня гитлеровское командование закончило подготовку наступления.

Теперь мы знаем, что на южном крыле советско-германского фронта почти от Орла до Севастополя действовала группа армий «Юг».

Она была разделена на группу армий «А» и группу армий «Б».

На эти группы возлагалась задача разгромить советские войска западнее Дона.

Группа армий «В» должна была окружить советские войска западнее Дона и соединиться с группой армий «А» в районе Сталинграда. «В любом случае необходимо попытаться достигнуть Сталинграда... Чтобы силы, наносящие удар вниз по течению р. Дон, соединились в районе Сталинграда с теми силами, которые наступают из района Таганрог, Артемовск». Так гласила директива № 41.

Первоначально силы по этим группам были распределены следующим образом.

В группу «А», которой командовал генерал-фельдмаршал В. Лист, вошли 1-я танковая, 17-я и 11-я полевые немецкие армии, а также 8-я итальянская.

Группой «Б» командовал генерал-фельдмаршал фон Ф. Бок. В нее вошли 4-я танковая, 2-я и 6-я полевые немецкие армии и 2-я венгерская. Кроме того, из глубины подходила 3-я армия румын.

Враг имел превосходство в самолетах и орудиях и сумел особо усилить направления главных ударов.

³ Типпельскирх К. История второй мировой войны. М., 1956. С. 232.

Утром 28 июня 2-я полевая и 4-я танковая немецкие армии и 2-я венгерская перешли в наступление против левого крыла Брянского фронта.

30 июня нанесла удар 6-я армия.

Сталинград был еще далеко, немцы устремились к Воронежу, но сражение сорок второго года началось, втягивая постепенно все большие и большие силы в кровавую мельницу.

В мае 1942 года я был назначен заместителем командующего резервной армией, которая дислоцировалась в районе Тулы. Командующего еще не назначили, поэтому все его обязанности легли на меня.

В начале июля пришел приказ Ставки о переименовании нашей резервной армии в 64-ю и передислокации ее на Дон. В это время Юго-Западный фронт под ударами немецко-фашистских войск откатывался на восток. Нашей армии предстояло вступить в бой с фашистскими захватчиками где-то на Дону или между Волгой и Доном. Быстро погрузившись в эшелоны, войска армии направились в район сосредоточения, между Волгой и Доном.

До Балашова я ехал со штабом армии поездом, а затем, чтобы поскорее уяснить обстановку на фронте и поговорить с фронтовиками, мы с членом Военного совета Константином Кириковичем Абрамовым пересели в легковую автомашину и обогнали свой поезд.

Мы заезжали на крупные станции, чтобы проследить за движением эшелонов армии. На железнодорожные станции и на движущиеся эшелоны систематически совершали налеты фашистские бомбардировщики.

На станции Фролово мы наткнулись на штаб 21-й армии. Начальник штаба при всем своем желании не мог нас проинформировать об обстановке. Единственное, что мы выяснили у него, – это то, что штаб фронта находится уже на Волге, в Сталинграде.

Проезжая населенные пункты, мы видели, что местные жители не ждали здесь врага, надеясь, что его наступление будет остановлено. Никто не готовился к эвакуации. В городских поселках, на железнодорожных станциях работали кинотеатры. Это спокойствие нарушалось ночью редким огнем зениток, которые вели огонь по отдельным самолетам противника.

16 июля 1942 года мы прибыли в штаб Сталинградского фронта. Там узнали, что противник своими разведывательными и передовыми отрядами вышел на рубеж Чернышевская, Морозовск. Здесь на следующий день он был остановлен передовыми отрядами 62-й армии.

62-я армия готовилась к обороне на правом берегу Дона на рубеже Клетская, Калмыков, Суровикино, Пещерская, Суворовский. Штаб ее находился на левом берегу Дона в хуторе Камыши, в 60–80 километрах от войск.

В это время начали выгружаться из вагонов войска 64-й армии: 112-я дивизия – на станциях Котлубань, Качалино, Филоново; 214-я дивизия – на станциях Донская, Музга, Рычков; 29-я дивизия – на станции Жутово. Остальные – на берегу Волги, в 120–150 километрах от указанного штабом фронта рубежа обороны.

17 июля мы получили директиву командующего Сталинградским фронтом:

«64-й армии в составе 229, 214, 29 и 112-й стрелковых дивизий, 66-й и 154-й морских стрелковых бригад, 40-й и 137-й танковых бригад в ночь на 19 июля выйти на фронт Суровикино, Нижне-Солоновский, Пещерский, Суворовский, Потемкинская, Верхне-Курмоярская. На этом рубеже закрепиться и жесткой обороной не допустить прорыва противника на Сталинград. Передовые отряды по одному полку с артиллерией от каждой дивизии иметь на рубеже реки Цимла...»

Задача, поставленная директивой, была явно невыполнимой, так как дивизии и армейские части еще только выгружались из эшелонов и направлялись на запад, к Дону, не боевыми колоннами, а в том составе, как они следовали по железной дороге. Головы некоторых дивизий уже подходили к Дону, а их хвосты были на берегу Волги, а то и в вагонах. Тыловые же части

армии и армейские запасы вообще находились в районе Тулы и ждали погрузки в железнодорожные вагоны.

Войска армии нужно было не только собрать после выгрузки из эшелонов, но и переправить через Дон, преодолев пешим маршем 120–150 километров. Линия передовых отрядов на реке Цимла также была впереди основного рубежа обороны армии, в 40–50 километрах.

Я зашел к начальнику оперативного отдела штаба фронта полковнику Рухле и, доказав невозможность выполнить директиву в установленный срок, попросил его доложить Военному совету фронта о том, что 64-я армия может занять оборонительный рубеж не раньше 23 июля.

Срок занятия оборонительного рубежа был исправлен с 19 на 21 июля.

Но и к 21 июля войска 64-й армии занять линию обороны, указанную штабом фронта, не могли.

Собирая войска, которые после выгрузки из вагонов следовали по степи на запад, к Дону, я заехал в штаб 62-й армии.

Командарм 62-й, высокий, стройный, генерал-майор В.Я. Колпакчи, и член Военного совета, чернобрый, с бритой головой, дивизионный комиссар К.А. Гуров, ознакомили меня с обстановкой.

Выбор оборонительной полосы для войск 62-й и 64-й армий был произведен штабом фронта по линии Клетская, Суровикино, Верхне-Солоновский, Суворовский, Верхне-Курмоярская. Передовым отрядам в составе усиленный батальон – полк предлагалось выйти на рубеж реки Цуцкан, Чир, Чернышковский и далее по реке Цимла.

По всем нашим уставам и наставлениям, обороняющийся должен прежде всего оценить противника и местность, на которой он решает принять бой или сражение, и разместить свои силы в наивыгоднейшем положении. Для обороняющегося местность всегда должна быть союзником, она должна дать ему тактические выгоды для контратак, для использования всех огневых средств, для маскировки.

В то же время местность должна по возможности затормозить движение и маневр наступающего, а при инженерном обеспечении – сделать ее недоступной для танков, чтобы наступающий не имел скрытых подступов и как можно дольше находился под огнем обороняющегося.

Оборонительная линия для 62-й армии выбиралась без учета этих требований. Мы не успели использовать естественные преграды – реки, речушки и овраги, которые можно было легко усилить инженерными сооружениями и сделать их труднодоступными для наступающего; позиции были размещены в голой степи, открыты для наблюдения и просмотра их как с земли, так и с воздуха. Много получилось разрывов между обороняющимися подразделениями и частями, особенно на правом фланге, которые давали возможность противнику охватывать позиции обороны и выходить ей в тыл.

Фронт обороны западнее реки Дон для четырех дивизий первого эшелона 62-й армии был растянут на 90 километров и для двух дивизий и одной бригады 64-й армии – на 50 километров. Особенно растянутой оказалась правифланговая, 192-я стрелковая дивизия. Около одной четвертой или даже одной третьей части дивизий первого эшелона были выделены в передовые отряды на удалении от главных сил на 40–50 километров, не имея ни артиллерийской, ни авиационной поддержки. Это еще больше ослабило главную полосу обороны, сократило до минимума вторые эшелоны и резервы дивизий первого эшелона.

Однако общее настроение в штабе 62-й армии было приподнятое. Командующий армией генерал-майор Колпакчи заверил меня, что в ближайшие дни попытается прощупать находящиеся против него силы противника.

Контакт с соседом справа был таким образом установлен, но о соседе слева никаких данных я все еще не имел. Была лишь известна разграничительная линия, которую прочертили на карте в оперативном отделе штаба фронта.

Войска 64-й армии, выполняя директиву фронта, двигались на запад, за Дон.

Командующим нашей армией был назначен генерал-лейтенант В.Н. Гордов, но он в 64-ю еще не прибыл, и мне пришлось принимать решение на организацию обороны.

Ознакомившись с обстановкой и сопоставив собранные в частях 62-й армии данные о противнике и на основании директивы фронта от 17 июля я принял решение: двумя стрелковыми дивизиями (229-й и 214-й), одной морской стрелковой бригадой (154-й) и одной танковой бригадой (121-й) занять рубеж на правом берегу Дона от Суровикино до станицы Суворовской. Левый участок фронта (Потемкинская, Верхне-Курмоярская) должна была оборонять 29-я дивизия. Во втором эшелоне, на реке Чир, в стыке 62-й и 64-й армий, развертывалась 112-я стрелковая дивизия. 66-я морская стрелковая бригада, одна (137-я) танковая бригада, курсантские полки сосредоточивались во втором эшелоне в районе населенных пунктов по реке Мышкова.

Вечером 19 июля в штаб 64-й армии, который находился в хуторе Ильмень-Чирский, прибыл генерал В.Н. Гордов с предписанием вступить в командование 64-й армией. Я остался его заместителем. Это был седеющий генерал-лейтенант, с усталыми серыми глазами.

Ознакомившись с моими решениями, Гордов, не внося ни одной серьезной поправки относительно расположения первого эшелона, утвердил их и приказал все выполнять. Что касается второго эшелона армии, то здесь командующий внес существенные изменения. Он приказал поставить 112-ю стрелковую дивизию не на стык 62-й и 64-й армий, а растянуть на внешнем, Сталинградском оборонительном рубеже по реке Мышкова от хутора Логовского до Громославки; 66-я морская стрелковая бригада, 137-я танковая бригада и полки курсантов военных училищ выводились на рубеж реки Аксай, то есть на левый фланг армии.

Этим решением генерал Гордов задерживал все резервы армии на левом берегу Дона, и создаваемая западнее Дона оборона 64-й армии оставалась без второго эшелона и без резерва.

Утром 21 июля я выехал на оборонительный рубеж западнее реки Дон и два дня, 21 и 22 июля, занимался с командирами дивизий рекогносцировкой местности и выбором позиций. Полки и дивизии в это время еще совершали марш со станций выгрузки и прибывали на позиции с опозданием и не в полном составе.

Выход частей и соединений 64-й армии на рубеж обороны в эти дни, несомненно, был зафиксирован противником; его разведывательные самолеты «фокке-вульф» подолгу кружили над нашими позициями; мы не могли вести с ними борьбу, потому что в армии не было зенитной артиллерии, а истребители воздушной армии фронта были заняты на другом участке фронта.

Началом Сталинградской битвы принято считать 17 июля 1942 года, когда передовые отряды 62-й и 64-й армий вошли в соприкосновение с противником. Они упорно сопротивлялись лишь до 19 июля. Огромные массы гитлеровских войск смяли их и начали втягиваться в большую излучину Дона.

Теперь мы имеем документ, который и определил тогда цели этого нового удара. Речь идет о директиве ОКВ № 45, которой Гитлер внес некоторые поправки в директиву ОКВ № 41.

В директиве № 41 говорилось:

«В любом случае необходимо попытаться достигнуть Сталинграда или по крайней мере подвергнуть его воздействию нашего тяжелого оружия, с тем чтобы он потерял свое значение как центр военной промышленности и узел коммуникаций».

23 июля 1942 года в директиве ОКВ № 45 было записано:

«Ближайшая задача группы армий „А“ состоит в окружении и уничтожении сил противника, ушедших за р. Дон, в районе южнее и юго-восточнее Ростова...»

На долю группы армий „Б“, как приказывалось ранее, выпадает задача наряду с оборудованием оборонительных позиций на р. Дон нанести удар по Сталинграду и разгромить сосредоточившуюся там группировку противника, захватить город, а также перерезать перешеек между Доном и Волгой и нарушить перевозки по реке».

Торопясь скорее выйти на Кавказ, Гитлер недооценил появление наших свежих армий в большой излучине Дона, рокировал 4-ю танковую армию Гота через боевые порядки 6-й армии Паулюса на ее правый фланг к станице Цимлянской, включив ее в состав группы армий «А».

Для захвата Сталинграда были созданы две ударные группировки – обе из состава 6-й армии Паулюса.

Северная – в составе 14-го танкового и 8-го армейского корпусов. Начав наступление 23 июля из района Головский, Перелазовский, вдоль правого берега Дона в направлении на Верхне-Бузиновку, Мало-Набатовский, войска этой группировки должны были захватить Калач.

Южная – в составе 51-го армейского и 24-го танкового корпусов. Начав наступление 25 июля из района Обливская, Верхне-Аксеновский, должна прорвать фронт южнее Суровикино и через Старо-Максимовский выйти к Калачу с юга.

Обе эти группировки, входившие в состав 6-й армии, имели задачу окружить и уничтожить главные силы советских войск в большой излучине Дона, а в дальнейшем форсировать Дон и наступать на Сталинград.

Кроме того, третья группировка – в составе двух пехотных, одной танковой, одной моторизованной дивизий из 4-й танковой армии и четырех румынских пехотных дивизий, – форсировав 30 июля Дон и захватив плацдарм, была готова к наступлению на город с юга и запада вдоль железной дороги Котельниково – Сталинград или на юг, на Кавказ.

Анализ сложившейся таким образом обстановки показывает, что активные действия немецко-фашистских войск, особенно южной группировки, нацеливались на спешно подготовленные рубежи обороны 62-й и 64-й армий. Как я уже отмечал, ведя непрерывную воздушную разведку, противник не мог не видеть подходившие колонны, не наблюдать развертывание и оборонительные работы наших частей, то есть он был полностью в курсе событий на участках 62-й и 64-й армий.

О том, какое это будет сражение, к чему оно приведет, мы тогда не знали, еще не угадывались его стратегические и тактические контуры.

Мы решали ближайшую задачу дня на своих участках обороны.

Ожидая первой боевой встречи с немецко-фашистскими войсками, я чувствовал, что мне, еще не искушенному в боях с таким сильным и опытным противником, прежде всего нужно изучать его тактику, сильные и слабые стороны.

Я беседовал со многими командирами, уже побывавшими в боях. Старался чаще бывать в войсках, чтобы учиться у бывалых командиров, использовать опыт красноармейцев.

Вернувшись 22 июля в штаб армии, я узнал, что Гордова еще накануне вызвали в Москву, оттуда он вернулся через сутки командующим Сталинградским фронтом.

В штабе 64-й армии был получен приказ фронта, которым предписывалось 66-ю морскую стрелковую бригаду и 137-ю танковую бригаду направить по правому берегу Дона к станице Цимлянская. Перед ними ставилась задача ударом во фланг и тыл уничтожить группу войск противника, переправлявшуюся там через Дон. Весь этот отряд по приказу Гордова в ночь на 23 июля сосредоточился в станице Суворовской. Однако тяжелые и средние танки 137-й танковой бригады не смогли переправиться через Дон, так как мост у Нижне-Чирской не выдерживал их веса. Бригада вошла в этот отряд одним мотострелковым батальоном с пятнадцатью танками Т-60.

Позже стало известно, какая огромная группировка вражеских войск выходила в район Цимлянской. Но когда подписывали этот приказ, штаб фронта, к сожалению, не располагал точными сведениями о противнике.

Я возражал против дробления сил на мелкие отряды. Но В.Н. Гордов приказа своего не отменил. Пришлось вылететь на самолете У-2 в Суворовский район и проследить за его выполнением.

В 10 часов 23 июля отряд выступил на станицу Суворовская. Возвращаясь обратно, я решил пролететь на самолете вдоль фронта армии и осмотреть наши позиции с воздуха.

Юго-восточнее Суровикино мы встретились в воздухе с фашистским самолетом Ю-88, который сделал боевой разворот и пошел на нас в атаку.

Наш У-2 был совершенно невооружен. Ю-88 имел пушки и пулеметы. Начался бой кота с мышью.

Раз десять бросался в атаку фашистский пират. Казалось, наш самолет развалится в воздухе от пушечного и пулеметного огня противника. Приземлиться в голой степи было нельзя – мы стали бы неподвижной мишенью и немедленно были бы расстреляны пушками Ю-88.

Наш летчик, ориентируясь по солнцу, стремился на восток и искал хоть какую-нибудь деревушку или лесок, за которым мы могли бы временно скрыться от стервятника. Но степь была пуста... Не помню, после какой по счету – девятой или десятой – атаки противника наш самолет ударился о землю и разломился пополам.

Мы маневрировали у самой земли, поэтому падение для меня и летчика обошлось сравнительно благополучно. Нас только выбросило из кабин: меня – с шишкой на лбу и с болью в грудной клетке и в позвоночнике; летчика – с кровоподтеками на коленях.

Стервятник, увидев, что наш самолет задымил, вероятно, решил, что с нами покончено. Сделав круг, он повернул на запад и скрылся за горизонтом.

Вскоре нас подобрал в степи и вывез на машине из опасной зоны командир из оперативного отдела 62-й армии капитан А.И. Семиков, впоследствии Герой Советского Союза.

...На правом фланге 62-й армии в это время уже развернулись упорные бои с северной, наиболее сильной группой противника, который к исходу 22 июля вышел к главной полосе обороны 62-й армии.

Правый фланг обороны 62-й армии на фронте Клетская, Евстратовский, Калмыков был прорван. Противник, введя свежие силы, начал развивать удар на Манойлин, Майоровский и через Платонов на Верхне-Бузиновку. К исходу дня 24-го передовые части 3-й и 60-й моторизованных дивизий противника вышли на Дон в районе Голубинской, а также и в район Скворина.

Учитывая создавшуюся обстановку, командующий 62-й армией В.Я. Колпакчи в 5 часов утра 24 июля решил силами 13-го танкового корпуса и частей 33-й гвардейской стрелковой дивизии нанести контрудар, с тем чтобы восстановить положение в полосе обороны 33-й гвардейской стрелковой дивизии, а затем и на всем правом фланге армии. Время нанесения контрудара было назначено на 10 часов утра. На подготовку оставалось всего лишь пять часов.

Это была героическая попытка остановить многократно превосходящего противника.

На весь фронт прогремела слава о подвиге четырех бронебойщиков 84-го гвардейского стрелкового полка 33-й гвардейской стрелковой дивизии: Петра Болото, Григория Самойлова, Александра Беликова и Ивана Алейникова. Эти четыре героя заняли высокий курган южнее Клетской, зарылись в землю и устроились по-хозяйски. Между друзьями шли веселые разговоры.

– Харч – дело известное, – сказал Петр Болото, взвешивая в руке тяжелый вещевой мешок. – Без него прожить можно, а вот без пушек и гранат, которыми нас снабдили, пропадешь ни за понюшку табаку...

Команда для подготовки к бою была подана одним словом «Пыль!», и восемь глаз начали считать, сколько двигается бронированных машин.

– Тридцать, – насчитал Беликов. – По семь на брата, да еще две лишних на всех.

Танки разворачивались для атаки. Впереди двигался средний танк Т-III; слева и справа от него катились два Т-IV. Строй замыкали легкие танки Т-II. Танкисты в черных комбинезонах, по-видимому, еще не обнаружив наших бойцов и окопов, находились в открытых верхних люках. Петр Болото отчетливо видел крест с белым окаймлением. Он прицелился в смотровую

цель и нажал на пусковой крючок противотанкового ружья. Танк Т-III задымил, стал уменьшать скорость и наконец остановился. Распахнулись люки, и экипаж начал вылезать из танка.

Вторым выстрелил Александр Беликов по легкому Т-II, который сразу вспыхнул. Бронебойно-зажигательная пуля со стальным сердечником, выпущенная из противотанкового ружья, по-видимому, угодила в бензобак. Через несколько секунд Болото и Беликов, точно прицелившись, снова ударили, на сей раз по двум Т-IV. Сколько сделали по ним выстрелов, они не считали, но в результате оба танка остановились и загорелись. Так продолжалось до вечера, пока фашисты не прекратили атаку и не отхлынули назад. В районе кургана дымились 15 танков.

Так четыре героя закончили свой первый бой. Но этот героический подвиг был не первым и не последним.

Войска 64-й армии к этому времени хотя и заняли указанный штабом фронта рубеж обороны, но вышли к нему не всеми силами. Только 214-я стрелковая дивизия под командованием генерала Н.И. Бирюкова и 154-я морская стрелковая бригада под командованием полковника А.М. Смирнова оказались в несколько лучшем положении – они были сосредоточены полностью и имели почти трое суток для организации обороны. 229-я стрелковая дивизия полковника Ф.Ф. Сажина продолжала подтягиваться к рубежу обороны.

66-я морская стрелковая и 137-я танковая бригады, двигавшиеся по приказу фронта из Суворовского на Цимлянскую, по моему расчету, попадали под фланговый удар противника.

Узнав о переходе противника в наступление на фронте 62-й армии, я стал настойчиво просить командующего фронтом вернуть эти бригады обратно на прежние позиции. Гордов принял мое предложение. В 17 часов 24 июля бригады были повернуты обратно на Нижне-Чирскую.

Я решил перевести также 112-ю стрелковую дивизию полковника И.П. Сологуба на правый берег Дона и поставить ее в оборону на нижнем течении реки Чир в стыке 62-й и 64-й армий. С этим командующий фронтом сразу согласился.

Контрудар, нанесенный 24 июля по решению командующего 62-й армией генерала В.Я. Колпакчи силами 13-го танкового корпуса (около 150 танков) и одним гвардейским стрелковым полком 33-й гвардейской дивизии с батальоном танков при поддержке трех артиллерийских полков, положительных результатов не дал. Причина неудачи контрудара: 13-й танковый корпус, только что сформированный, не имел боевой слаженности; не было времени на организацию взаимодействия с другими частями и с авиацией.

В то же время противник 24 июля, используя свое превосходство в авиации и танках, продолжал развивать наступление. 16-я танковая со 113-й пехотной дивизией прорвались в район Качалинской и вышли к реке Лиска.

К исходу дня противнику силами 3-й и 60-й моторизованных дивизий удалось разгромить штабы 184-й и 192-й стрелковых дивизий в районе Верхне-Бузиновки. С выходом противника в район Голубинского и Малонабатовского создавалась угроза окружения правофланговых частей 62-й армии.

К этому времени в распоряжении штаба фронта накапливались значительные силы. Прибыли резервы Ставки Верховного главнокомандования. Формировались 1-я и 4-я танковые армии, прибывали 126, 204, 205, 321, 399, 422-я стрелковые дивизии и другие соединения и части усиления.

Ставка Верховного главнокомандования и лично Сталин потребовали не только остановить наступление противника, но и отбросить его за реку Чир.

25 июля 1942 года я принял первый бой в Отечественной войне.

Главный удар противника силами двух пехотных и одной танковой дивизий пришелся по нашей правофланговой 229-й стрелковой дивизии, которая занимала рубеж обороны около 15 километров по фронту и имела всего лишь пять батальонов; остальные четыре батальона были

на подходе. В боевых порядках этой дивизии и в глубине находилась 21-я танковая бригада, в которой было пять тяжелых танков КВ, девять Т-34 и двадцать Т-60.

Бой начался рано утром.

Сначала противник повел наступление силами одной пехотной дивизии с танками на центр 229-й стрелковой дивизии – на 783-й полк.

Несмотря на численное превосходство врага, наши батальоны стойко отбивали атаки его пехоты и танков. Было подбито девять танков и убито только на участке 783-го полка до 600 гитлеровцев.

Во второй половине дня противнику удалось вклиниться в нашу оборону до отметки 155,0 и захватить совхоз № 79. На командный пункт дивизии, находившийся в это время у отметки 155,0, напали вражеские автоматчики. Командир дивизии вынужден был быстро отойти и в результате этого потерял связь с 783-м стрелковым полком и вторым батальоном 804-го стрелкового полка. Посланный в эти части на танке командир из штаба дивизии назад не вернулся. По-видимому, он был убит.

Так закончился мой первый боевой день 25 июля 1942 года. Усилить 229-ю стрелковую дивизию было нечем, резервы все находились восточнее реки Дон.

В пять часов утра 26 июля, после артиллерийской подготовки и авиационного налета, противник снова бросил в бой пехоту и танки. Со своего наблюдательного пункта (в десяти километрах северо-западнее Нижне-Чирской) я насчитал свыше 80 вражеских танков, шедших в атаку под прикрытием артиллерийского и минометного огня. Главный удар наносился на МТФ (молочно-товарную ферму), по подразделениям 783-го стрелкового полка.

Я видел, как танки противника под прикрытием авиации врзались в наши боевые порядки. Одна группа немецких машин напоролась на танки КВ. Завязался бой. Наши тяжелые танки выдержали атаки, зато легкие – Т-60 – понесли потери и расплозились по оврагам.

Вскоре командир 783-го стрелкового полка был убит, комиссар ранен, и полк начал отходить на восток.

Командир дивизии тотчас же бросил в бой два только что прибывших батальона 804-го полка, пытаясь остановить наступление врага, но было уже поздно. Батальоны попали под огонь танков противника и залегли, а через несколько часов они были атакованы вражеской пехотой и танками. Не успев окопаться, они не выдержали удара, оставили высоты 161 и 156 и отошли к поселку Савинский, что на правом берегу реки Чир, прикрывая фланг 62-й армии.

Залпы гвардейских минометов по скоплениям гитлеровцев на этом участке и налеты артиллерии 214-й дивизии наносили большой урон врагу, но, несмотря на потери, его части продолжали рваться вперед. В полдень он двинул в бой две танковые группы. Одна в составе около сорока танков преследовала батальоны, отступавшие к берегу реки Чир, другая наступала на Нижне-Чирскую.

Ко второй половине дня стало ясно, что наша оборона на участке правого фланга 229-й стрелковой дивизии прорвана. Противник устремился к реке Чир и тем самым выходил в стык 62-й и 64-й армий. Резервов на правом берегу Дона у нашей армии не было. 66-я морская стрелковая бригада с частью сил 137-й танковой бригады, возвращенные мною с пути на Цимлянскую из района Минаева, подтягивались к Нижне-Чирской. Утомленные напрасными переходами, морские пехотинцы двигались медленно, а у танкистов кончался запас горючего. Для ликвидации прорыва противника, и в особенности для обеспечения стыка 64-й и 62-й армий, я немедленно принял такое решение: 112-ю стрелковую дивизию, находившуюся после ночного перехода на отдыхе в районе хутора Логовский, с десятью танками КВ 137-й танковой бригады срочно перебросить по железнодорожному мосту через Дон. Перед ними была поставлена задача занять рубеж обороны от Старо-Максимовского по реке Чир до ее устья и закрепиться на выгодных позициях. Надо было немедленно и надежно обеспечить стык между 62-й и 64-й армиями и не допустить удара противника во фланг и тыл 62-й армии.

Этот маневр удался. К вечеру 26 июля 112-ю стрелковую дивизию удалось переправить и вывести на рубеж железнодорожного полотна Рычковский – Старо-Максимовский, где была установлена связь с 229-й стрелковой дивизией. Нам также удалось подтянуть часть сил 66-й морской стрелковой бригады с арtdивизионом северо-западнее Нижне-Чирской во второй эшелон за 229-й стрелковой дивизией, но зато легкие танки 137-й танковой бригады из-за отсутствия горючего до Нижне-Чирской не дошли. Им пришлось подвозить горючее с левого берега Дона. Вместо танков на обеспечение стыка 214-й и 229-й дивизий пришлось поставить батальоны морских пехотинцев 66-й бригады с их артиллерийским дивизионом, которые вскоре были атакованы с воздуха, а затем и немецкими танками. Моряки залегли и начали отбивать вражеские атаки.

В это время наиболее опасным было направление на Нижне-Чирскую. Танки противника вышли к Нижне-Чирской и одновременно захватывали переправы через Дон и Чир. Противотанковых средств в нашей армии не было, легкие танки 137-й танковой бригады стояли без горючего.

Одна надежда была на артиллерийский дивизион 66-й морской стрелковой бригады, который имел конную тягу. Лошади выбивались из сил, но дивизион все же мог двигаться.

Этот дивизион быстро развернул в боевой порядок все три батареи на фронте около двух километров. Командиры батарей – первая и третья под командованием двух родных братьев лейтенантов Д.У. Датриева и Б.У. Датриева, вторая под командованием лейтенанта Рожкова, поставив орудия на открытых огневых позициях, не успели окопаться до появления танков противника. Артиллеристы-моряки не дрогнули, приняли бой. Около 25 танков, не доходя 1,5–2 километров до огневых позиций наших батарей, развернулись и открыли беспорядочный огонь.

Исполняющий обязанности командира дивизиона лейтенант Д.У. Датриев подал команду всем командирам батарей дивизиона: «По местам!» Командиры стали к орудиям, чтобы бить противника прямой наводкой. Танки усилили огонь. Но артиллеристы молчали. Они хладнокровно и спокойно подпустили танки на 400–600 метров и обрушили на них шквал огня. Два танка закрутились на месте и задымили. Началась дуэль между танками и артиллеристами-моряками. Танки ползли вперед, ведя огонь с ходу, невзирая на потери. Один за другим они вспыхивали огненными факелами, над полем стлались чад и дым. Дуэль велась не на равных. Немецкие танкисты были защищены броней, они находились в движении; наши батареи стояли на открытых позициях. Но никто не дрогнул. Места убитых и раненых занимали их товарищи – разведчики и даже связисты. Разведчикам было приказано приготовить противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью.

Этот бой продолжался около часа. У наших артиллеристов нервы оказались крепче, чем у танкистов противника. Потеряв 12 подбитых и сожженных танков, противник откатился назад. До самого вечера танки и пехота противника к Нижне-Чирской не подошли. Упорство артиллеристов и морских пехотинцев противник принял за хорошо подготовленную оборону. Чтобы сломить сопротивление на этом участке обороны, на морскую пехоту и артиллеристов 66-й бригады противник бросил свою авиацию, которая волнами по 20–25 самолетов бомбила боевые порядки, тылы и переправы через реки Дон и Чир.

Я особенно отмечаю заслугу артиллеристов 66-й морской стрелковой бригады, которые отразили атаку сильной группы танков противника, нацеленной на станицу Нижне-Чирская и на переправы в этом районе. Захватив Нижне-Чирскую днем 26-го, противник смог бы в этот же день переправиться через реку Чир и, опередив выход на рубеж Старо-Максимовский, железнодорожная станция Чир, Рычковский 112-й стрелковой дивизии, выйти сразу во фланг и тыл 62-й армии с юга.

Казалось, что нам все же удастся остановить противника, не допуская его к рекам Дон и Чир, и закрыть образовавшийся прорыв. Но в медсанбаты, артпарки и обозы частей, располо-

женных на правом берегу Дона и Чира, кто-то сообщил, что немецкие танки находятся в двух-трех километрах. Многие устремились к переправе.

Чтобы остановить людей и повозки, я послал на переправу находившихся около меня работников штаба и генерал-майора артиллерии Я.И. Броуда. Но все было напрасно: авиация противника уже заметила большое скопление людей и машин у переправы и начала их бомбить.

Во время этой бомбежки были убиты генерал Броуд, начальник оперативного отдела подполковник Т.М. Сидорин, начальник инженерной службы армии полковник Бурилов и другие командиры штаба армии.

К вечеру мост через Дон у Нижне-Чирской был разбит авиацией противника. 214-я стрелковая дивизия и две морские стрелковые бригады 64-й армии оставались на правом берегу Дона без переправы. Начальник штаба армии полковник Н.И. Новиков с членом Военного совета дивизионным комиссаром К.К. Абрамовым, находясь на основном КП штаба в Ильмень-Чирской, проявили излишнюю инициативу: без моего ведома (я был еще в Нижне-Чирской) они передали приказ по радио – 214-й стрелковой дивизии, двум бригадам морской пехоты и 137-й танковой бригаде отходить за Дон. Об этом я узнал лишь по прибытии в штаб армии, ночью 26 июля. Я пришел в ужас от мысли, что может произойти ночью на реке: ведь в это время не работала ни одна переправа.

Надо было не отходить за Дон, а организовать оборону на правом берегу, упершись в него обоими флангами. Мы мобилизовали все средства связи, для того чтобы довести это решение до войск. Не помню, какие средства связи выручили нас, но войска этот приказ получили, и отход к Дону принял более или менее организованный характер, и во время отхода за Дон потерь не было.

Переправа стоила нам больших усилий. С фронта наседали части 71-й пехотной дивизии противника. Не было почти никаких переправочных средств. Переправу прикрывал один из полков 214-й дивизии, которой командовал генерал Н.И. Бирюков. И он, и комиссар дивизии А.Ф. Соболев проявили большую организованность и личное мужество, руководя отходом дивизии. 214-я стрелковая дивизия и другие соединения армии, переправившись через Дон, тут же заняли оборону по его левому берегу.

В результате принятых мер к вечеру 27 июля образовавшийся прорыв был ликвидирован на всем фронте 64-й армии. Противник хотя и прорвал первую полосу обороны 64-й армии, но дальше развить наступление не смог. Он был остановлен на реках Чир и Дон.

Опасность прорыва противника из района Нижне-Чирской с ходу на Сталинград была ликвидирована. Противник также не смог прорваться с юга к переправам у Калача.

Три боевых дня – срок небольшой, но для меня, недавно прибывшего на фронт, этот малый срок оказался во всех отношениях очень важным.

Правофланговым войскам 64-й армии пришлось отступить. Первые неудачи, однако, не обескуражили нас. Я верил, что настанет время, и зазнавшимся гитлеровским генералам еще придется испытать горькую чашу поражений, которые нанесет им Красная армия.

Успех противника во многом объяснялся тем, что он начал наступление, когда войска нашей армии еще не были собраны в полки и дивизии. Если бы мы имели хотя бы двое-трое суток для организации обороны, собрали бы полки, батальоны и дивизионы, закопались в землю, наладили огневое взаимодействие и связь, подтянули боеприпасы и организовали нормальное снабжение – противнику не удалось бы так легко прорвать оборону на фронте 64-й армии.

Наблюдая за тем, как гитлеровцы проводили артиллерийскую подготовку по участку 229-й стрелковой дивизии, я заметил слабые стороны в их тактике. Артиллерийские и минометные налеты велись разрозненно и не в глубину, а только по переднему краю. Широкого маневра огнем в ходе боя не отмечалось.

В годы учебы в Военной академии имени М.В. Фрунзе я изучал многие операции немцев на Западном фронте в Первую мировую войну. Мне были известны взгляды немецких генералов на роль артиллерии в войне будущего (например, идеи Бернгарди). Поэтому в первые дни боев на Дону я ожидал от артиллерии противника классического взаимодействия, четкой организации огневого вала, молниеносного маневра огнем и колесами. Но этого не было. Я встретился с далеко не новым методом медленного прогрызания последовательно одной траншеи за другой.

Будь у нас в это время более глубокое построение обороны (не пять, а все девять батальонов), да еще противотанковые резервы, можно было бы не только сдержать наступление, но и нанести большой урон противнику.

Немецкие танки не шли в атаку без пехоты и без поддержки авиации. На поле боя не заметно было доблести немецких танкистов, их смелости и быстроты действий, о которых писали зарубежные газеты.

Немецкая пехота была сильна своим автоматическим огнем, но быстрого движения на поле боя и решительной атаки я не видел. Наступая, немецкие пехотинцы не жалели патронов, но стреляли часто попусту.

27 июля, когда один полк 112-й дивизии перешел в контратаку на хутор Ново-Максимовский, пехота противника вообще не приняла боя и отступила. И только на другой день, 28 июля, когда подошли танковые части, она вступила в бой за позиции, которые накануне оставила без боя.

Передний край гитлеровцев, в особенности ночью, был прекрасно виден, он обозначался трассирующими пулями и ракетами всех цветов. Казалось, они либо боятся темноты, либо скучают без стрельбы.

Маневр войск противника хорошо прослеживался по автомобильным колоннам, двигавшимся по степи с зажженными фарами.

Наиболее четко работала в бою авиация противника. Связь и взаимодействие авиации с наземными войсками у противника были отработаны. Чувствовалось, что фашистским летчикам знакома тактика своих и наших наземных войск.

Как только под нашим артиллерийским или ружейно-пулеметным огнем залегала пехота, вскоре появлялась немецкая авиация. Пикирующие бомбардировщики, построив замкнутый круг, атакывали наши боевые порядки и артиллерийские позиции.

Таковы были мои первые выводы о тактике противника. Наблюдать врага, изучать его сильные и слабые стороны, знать его повадки – значит драться с ним с открытыми глазами, ловить его промахи и не подставлять свои слабые места под опасный удар.

Начиная с 26 июля и до конца месяца боевые действия наших частей шли в основном на правом фланге армии – в районе Большая Осиновка, Ерицкий, Верхне-Чирская. На этом участке противник стремился прорваться через боевые порядки 229-й и 112-й дивизий на северо-восток и выйти в тыл 62-й армии, к переправам через Дон в районе Логовский и Калач.

Все это время я находился на наблюдательном пункте на высоте севернее разъезда Рычковский и имел непосредственную связь с командирами 229-й и 112-й дивизий и через штаб армии с остальными войсками.

Бои шли с переменным успехом. Несколько дней противник бросал в атаки части 51-го армейского корпуса, усиленного танками. В отдельные дни одновременно наступало до ста танков, а мы имели на этом участке только десять. Однако наши части, особенно 112-я дивизия, отразив натиск, сами переходили в контратаки.

Так продолжалось пять дней. Ранним утром 31 июля полки 229-й и 112-й дивизий при поддержке тех же десяти танков и авиации перешли в контратаку и отбросили противника за реку Чир. Вечером того же дня была перехвачена радиограмма. «Части 51-го армейского

корпуса, переправившиеся через реку Чир у Суровикино, были разбиты», – доносил в свой штаб (группы «Б») какой-то гитлеровский офицер – подпись была обозначена буквой «икс».

64-я армия формировалась заново как резервная. Очень многие ее бойцы и командиры впервые участвовали в бою. В донских степях они приняли боевое крещение. Они познали тяжесть и горечь отступления, но они не дрогнули, первые неудачи не подорвали у них веру в свои силы. Они отступали, но отступали с боями, сдерживая натиск врага, о силе которого они порой не имели представления. Нельзя требовать невозможного. Превосходство противника было велико, остановить его наступление теми силами, которыми тогда располагала 64-я армия, было трудно. Но бойцы и командиры 64-й задержали наступление, сорвали намерение гитлеровского командования окружить и уничтожить наши силы на правом берегу Дона.

Я вспоминаю двух командиров 112-й стрелковой дивизии полковников И.П. Сологуба и И.Е. Ермолкина и многих героических бойцов этой дивизии. Это они выстояли до конца июля 1942 года против 51-го армейского корпуса и 24-й танковой дивизии немецко-фашистских войск на реке Чир, не позволив превосходящим силам противника выйти во фланг и тыл главным силам 62-й армии с юга, а затем героически сражались между Доном в Волгой и в самом Сталинграде от начала и до конца оборонительных боев.

Оба командира погибли: И.П. Сологуб – на реке Дон, И.Е. Ермолин – при штурме города Орел.

Я вспоминаю замечательного заместителя командира дивизии Героя Советского Союза П.Т. Михалицина, начальника артиллерии дивизии полковника Н.И. Годлевского, начальника политотдела дивизии В.Ф. Морозова, а также политруков Васильева, Оробей, Филимонова и других.

Бойцы славной 112-й стрелковой дивизии покрыли себя неувядаемой славой.

Рядом со 112-й с той же задачей находилась 229-я стрелковая под командованием полковника Ф.Ф. Сажина. На эту дивизию, еще не полностью сосредоточившуюся, обрушился удар 51-го армейского корпуса и 24-й танковой дивизии немецко-фашистских войск, которые к 16 часам 26 июля оттеснили ее к реке Чир. Но на этом рубеже части и подразделения 229-й дивизии вросли в землю, отбивая многочисленные атаки противника, рвавшегося с юга на северо-восток, к реке Дон и городу Калач, на соединение с основной группировкой противника, вышедшей к реке Дон в районе Голубинского.

Эта дивизия 8 августа попала в окружение с частями 33-й гвардейской, 399, 196, 181 и 147-й стрелковых дивизий западнее реки Дон. Дивизия под командованием полковника Сажина выдержала и отразила на своем участке все атаки противника и частью сил пробилась на левый берег Дона...

В разгар боев на Дону ко мне на наблюдательный пункт позвонил генерал Колпакчи – командующий 62-й армией.

Колпакчи сообщил мне, что решением Военного совета фронта вместо него командующим 62-й армией назначался генерал-лейтенант А.И. Лопатин.

Днем позже в штаб армии прибыл генерал-майор М.С. Шумилов. 64-я армия передавалась под его командование.

В это же время была получена директива фронта за подписью начальника штаба генерал-майора Д.Н. Никишева. Директива предписывала одновременным ударом двух армий (62-й и 64-й) уничтожить обе группировки противника в районе Верхне-Бузиновки и на реке Чир. 64-я армия усиливалась 204-й стрелковой дивизией и 23-м танковым корпусом.

Распоряжение было получено в 14 часов 28 июля, а начало атаки назначалось на 2 часа ночи 29-го, то есть через 12 часов.

Нам надлежало с М.С. Шумиловым немедленно найти 204-ю дивизию и 23-й танковый корпус. Мы о их местонахождении ничего не знали. Запросили по телефону штаб фронта. Нам ответили:

– Ищите эти части между Доном и рекой Лиска.

Всю ночь мы колесили по степи в поисках приданных 64-й армии частей. Проискали все утро и только к полудню 29 июля в районе Жирков нашли одну танковую бригаду 23-го корпуса. Командир бригады ничего не знал и к наступлению не готовился.

Разыскивая штаб 23-го корпуса в совхозе «Победа Октября», мы по пути заехали в хутор Володинский, где расположился командный пункт 62-й армии.

Полный белокурый и внешне очень спокойный генерал А.И. Лопатин встретил нас на командном пункте хорошим обедом и объявил нам, что 62-я армия не может выполнить распоряжение начальника штаба фронта, так как части не готовы, боеприпасы не подвезены и Военный совет фронта это распоряжение не подтвердил.

А.И. Лопатин высказал свои предположения, почему Военный совет фронта не подтвердил директивы штаба фронта. Наши 1-я и 4-я танковые армии под командованием генералов К.С. Москаленко и В.Д. Крюченкина предприняли контрудары по наступающему противнику. Контрудар наших же 62-й и 64-й армий должен был наноситься в развитие ударов танковых армий.

Но ни 1-я, ни 4-я танковые армии не смогли остановить наступление противника и разбить его части.

Лопатин сообщил нам, что 1-я танковая армия попала в очень тяжелое положение. В воздухе безраздельно господствовала авиация противника. Сосредоточение и переправа через Дон войск 4-й танковой армии Крюченкина срывались. Одновременно контрудара не получилось.

Я прекратил поиски 204-й дивизии и 23-го танкового корпуса. Надо было возвращаться в штаб армии.

30 июля я выехал в штаб Сталинградского фронта по вызову В.Н. Гордова.

31 июля я весь день провел в Сталинграде, ожидая, когда меня примет командующий фронтом.

В те дни Сталинград был уже, по существу, прифронтовым городом, но заметной тревоги я в нем не почувствовал. И это отчасти объяснимо, если говорить о жителях города. Трудно было сталинградцам поверить, что их город вот-вот станет местом ожесточенного сражения, трудно было поверить, что Красная армия не остановит врага на Дону.

Командующий фронтом принял меня вечером 1 августа. В моем присутствии он принимал доклад командующего 8-й воздушной армией генерал-майора авиации Т.Т. Хрюкина.

– Противник увяз в наших оборонительных позициях, – говорил Гордов. – Теперь его можно уничтожить одним ударом.

Я попытался развеять это убеждение.

– Я не хуже вас знаю положение на фронте! – оборвал он меня. – Я вас вызвал, чтобы получить объяснение, почему правое крыло 64-й армии отошло за реку Чир.

– Отход был вынужденным! – ответил я. – Мы не успели полностью развернуть армию. 229-я дивизия имела в обороне только половину своих сил...

В.Н. Гордов перебил меня:

– Представьте письменный доклад! Письменный!

Мне ничего не оставалось, как попросить у него разрешения выехать в армию и там на основе карт и документов написать исчерпывающее объяснение.

Южная группа

1

Вернувшись из Сталинграда, я узнал, что крупные силы врага начали 31 июля наступление из района Цимлянская вдоль железной дороги Тихорецк – Сталинград в направлении на Котельниково, заходя в тыл 64-й армии и всему Сталинградскому фронту.

Натолкнувшись на упорное сопротивление в большой излучине Дона, Гитлер незамедлительно пересмотрел свою директиву № 45 и совершил перегруппировку сил. Он изъял из группы армий «А», нацеленной на Кавказ, 4-ю танковую армию генерала Гота, передал в группу армий «Б» и поставил перед ней задачу: с ходу нанося удар, с юга овладеть городом, взяв в клещи войска Сталинградского фронта.

В эти дни в войска фронта поступил приказ народного комиссара обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 года. Приказ с предельной четкостью и прямоотой обрисовывал сложность и опасность положения:

«Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает, разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население.

Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами.

Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа... После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 млн населения, более 800 млн пудов хлеба в год и более 10 млн тонн металла в год.

У нас нет теперь преобладания ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину.

Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину, поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекратим отступление, мы останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог. Из этого следует, что пора кончить отступление. Ни шагу назад!

Таким теперь должен быть наш главный призыв. Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановиться, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас и в ближайшие несколько месяцев – это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли мы выдержать удар, а потом отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает? Не хватает порядка и дисциплины в ротах, в батальонах, в полках, в дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток.

Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять нашу Родину...

Паникеры и трусы должны истребляться на месте. Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования».

Призывы «Ни шагу назад!» раздавались и ранее. Но никогда еще перед всем составом, как перед командным, так и перед рядовым, ни один документ не раскрывал со столь полной откровенностью положение нашей страны. Этот приказ по своему существу был обращением ко всему советскому народу, ибо Красная армия была народной армией, плоть от плоти всего многонационального советского народа. Партия, советское правительство откровенно поделились трудностями с народом, это не могло не найти самого горячего отклика и не могло не дать результатов. Каждый боец, каждый командир проникся ответственностью перед Родиной, перед народом. Действительно, отступить больше было некуда.

Этот документ явился целым этапом в политической работе. Политработники получили возможность откровенно, не приукрашивая действительности, разъяснить рядовым бойцам обстановку и требовали точно выполнять приказы. Командиры всех степеней поняли, что отступление больше не панацея от всех зол.

Но было бы наивным полагать, что только этот приказ внес перелом в психологию воинов. Он как бы выразил настроение, которое зрело у всех с начала летней кампании. Сам по себе приказ без осознания сотнями тысяч людей трагического положения, в котором мы все оказались, ничего не сделал бы. Боль, досада, ожесточенность – вот что рождалось у нашего бойца в дни тяжелого отступления. Мне говорили красноармейцы и младшие командиры:

– Мы отступали в прошлом году... Ну это было понятно... Внезапный удар, мы потеряли много самолетов и танков еще до того, как вступили в бой. Теперь у нас есть танки и самолеты, есть оружие... Мы теперь можем остановить врага! Почему, зачем отступаем?!

Утром 2 августа генерал Шумилов вызвал меня к себе.

В доме, где жил и работал командующий, я застал весь Военный совет армии. Был заслушан доклад начальника штаба о положении на юге, на нашем левом фланге.

Данные были тревожные: 4-я танковая армия Гота, прорвав оборону 51-й армии, 1 августа захватила Ремонтную и подошла к Котельникову. Левый фланг 64-й армии и всего Сталинградского фронта охватывался с юга.

Генерал Шумилов предложил мне немедленно выехать на южный участок фронта, выяснить обстановку и в зависимости от нее принять на месте необходимые меры. Он сказал, что это решение согласовано с Гордовым.

Я быстро собрался. Вместе со мной поехали адъютант Г.И. Климов, ординарец Револьд Сидорин, шоферы Каюм Калимулин и Вадим Сидороков и связисты. Мы разместились на трех машинах (на одной из них находилась радиостанция) и направились на юг.

По пути я заехал в штаб 214-й дивизии (в поселок Верхне-Рубежный), где встретился с командиром дивизии Н.И. Бирюковым. Его я не видел с 24 июля. Бирюков доложил обстановку. На всем участке обороны дивизии – от Нижне-Чирской до поселка Городской – было подозрительно тихо. Противник даже не делал попытки форсировать Дон и не вел активной разведки. Такая пассивность показалась мне странной.

Мы сидели с генералом Бирюковым возле стога сена, когда невдалеке взорвалось около тридцати снарядов. Когда чуть стихло, я распрощался с Бирюковым и поехал на юг, в поселок Генераловский, в штаб 29-й стрелковой дивизии 64-й армии.

29-я дивизия располагалась по реке Аксай фронтом на юг от поселка Городской до Ново-аксайского. К северу от нее по реке Дон занимала оборону 214-я дивизия. К югу от Потемкин-

ской до Верхне-Курмоярской оборонялся приданный армии отдельный кавалерийский полк. Левый фланг этой дивизии был открыт.

Мне было также известно, что по рубежу реки Мышковки разворачивается и готовит оборону 118-й укрепленный район. Но это было в тылу, севернее реки Аксай.

Переночевав у командира 29-й дивизии полковника А.И. Колобутина, утром 3 августа мы выехали на разведку в направлении хутора Верхне-Яблочный, Котельников. Со мной было два отделения стрелков, которых я прихватил в штабе 29-й дивизии. Они передвигались на двух автомашинах. Видимость в степи была идеальная – километров на восемь – десять.

Подъехав с севера к хутору Верхне-Яблочный, мы заметили подходившие с юга две колонны пехоты с артиллерией. Это отступали на север 138-я стрелковая дивизия под командованием полковника И.И. Людникова и 157-я – полковника Д.С. Куропатенко.

Обе дивизии были неполного состава и входили в 51-ю армию генерал-майора Т.Н. Коломиеца. Атакованные противником в районе Цимлянская и Ремонтная, они понесли большие потери и, не имея связи с армией, решили отходить на север, к Сталинграду. С ними отходили два гвардейских минометных полка во главе с заместителем командующего артиллерией армии генерал-майором В.П. Дмитриевым.

И Людников и Куропатенко очень мало могли рассказать об обстановке южнее. Они были ошеломлены действиями противника. Это я понял сразу и, подчинив обе дивизии себе, принял решение вывести их на такой участок, где они могли бы быть приведены в порядок. Дивизиям было приказано отойти за реку Аксай, занять и подготовить там оборону. Во втором эшелоне, за этими дивизиями, была поставлена 154-я морская стрелковая бригада полковника А.М. Смирнова. Свой импровизированный штаб южной группы я разместил в станице Верхне-Кумской. Начальником штаба был назначен один из офицеров штаба 51-й армии.

Затем я связался со штабом Сталинградского фронта и через оперативного дежурного подробно доложил о создавшейся обстановке на южном участке фронта. Связи со штабом 64-й армии установить не удалось.

Из штаба фронта мне сообщили, что на станциях Чилеков, Котельниково разгружается свежая сибирская 208-я стрелковая дивизия, и предложили подчинить и эту дивизию.

– Где штаб дивизии? – спросил я, но определенного ответа не получил.

Утром 4 августа, подтвердив свой приказ командирам дивизий (Людникову, Куропатенко и Смирнову) готовить рубеж обороны по реке Аксай на занимаемых участках, я, как и накануне, выехал на разведку через Генераловский, Верхне-Яблочный на юго-запад.

В районе станции Гремячая мы опять встретили отходивших на север вдоль железной дороги людей и повозки. С трудом найдя в толпе командира, я узнал от него тяжелую весть: 3 августа несколько эшелонов 208-й дивизии, выгрузившись на станции Котельниково, были внезапно атакованы авиацией и танками противника. Уцелевшие подразделения отходят вдоль железной дороги. Где были командир дивизии, командиры полков и штабы – узнать не удалось.

Возле разъезда Небыково батальон бойцов 208-й стрелковой дивизии, развернувшись цепью фронтом на юг, рыл окопы. Командир батальона доложил, что, узнав от бегущих с юга о появлении немецких танков в Котельниково, он по своей инициативе решил занять оборону. Где командир полка или дивизии, он не знал. Я одобрил действия этого командира батальона, приказав задерживать бегущих, и обещал дать ему связь от ближайшего штаба, который надеялся найти на станции Чилеков.

Подъезжая к станции, мы увидели несколько воинских эшелонов. Разгружались другие части 208-й дивизии. Слух о разгроме в Котельниково четырех эшелонов сюда еще не дошел. Около железнодорожного полотна и вокруг эшелонов толпились люди, дымились кухни, разворачивались обозы.

Разыскав начальника одного из эшелонов, майора по званию и командира батальона по должности, я кратко объяснил ему обстановку на юге и приказал выставить сильные заслоны

к высотам с отметками 141,8 и 143,8 у поселка Небыково, остальные подразделения отвести от станции и ждать указаний штаба дивизии.

Отдав эти распоряжения, я со всей группой отъехал в МТФ № 1, что в двух километрах западнее станции Чилеков.

Там мы развернули радиостанцию, чтобы связаться со штабом фронта. Помню позывной: «Акустик». Был полдень, в небе – ни облачка. В поселке МТФ кроме нас находились подразделения 208-й дивизии. Минут через пятнадцать адъютант Климов доложил, что «Акустик» отвечает. Направляясь к радиостанции, я заметил в небе три девятки самолетов. Они шли с севера прямо на нас. Мне показалось, что это наши...

И вдруг послышался грохот взрывов. Оглянувшись, я увидел, что эти самолеты бомбят станцию Чилеков и разгружавшиеся там эшелоны. Вагоны и пристанционные сооружения загорелись. Бушующее пламя быстро перекидывалось с одного здания на другое.

Подбежав к радиостанции, я приказал радисту открытым текстом передать: «На станции Чилеков наша авиация бомбит наши эшелоны!..» Следя за передачей тревожного сигнала «Акустика», я не заметил, как одна девятка, зайдя с севера, ударила по поселку бомбами, а затем, встав в круг, начала пикировать и поливать нас свинцом. Тяжело было смотреть на людей, которые, прибыв на фронт и не видя противника, выбывали из строя. Все это происходило из-за того, что район выгрузки прибывших войск не был прикрыт с воздуха. Штаб фронта этого не обеспечил и не предупредил свою авиацию.

Нашу радиостанцию повредило, и я остался без связи.

Только вечером возле разъезда Бирюковский мы наконец нашли командира дивизии полковника К.М. Воскобойникова. Помню его бледное лицо, дрожащий голос. Он был потрясен. На него ужасно подействовала нелепая гибель людей.

– Товарищ генерал, – заявил он мне, – я не смогу объяснить своим подчиненным причины напрасных потерь.

Я задержался здесь на несколько часов и, когда Воскобойников пришел в себя, вызвал к нему комиссара, начальника штаба и начальника политотдела дивизии. От всех четверых потребовал связаться с частями, разбросанными от разъезда Небыково до станции Жутово и до Абганерово, за ночь отвести их за реку Аксай, занять участок обороны от поселка Антонов до хутора Жутов 1-й и организовать усиленную разведку перед фронтом дивизии и на левом фланге.

По данным, которыми я располагал, можно было предположить, что гитлеровцы, не желая ввязываться в бой с нашими частями, расположенными вдоль железной дороги на Котельниково, решили сделать глубокий обход через поселки Плодовитое и Тингута. Как потом стало известно, танковые колонны 48-го танкового корпуса противника из района Котельниково устремились именно в этом направлении. Поэтому-то я и требовал от командования 208-й дивизии усиленной разведки, чтобы узнать, куда и как направляет противник свои главные силы в этом районе.

Уже ночью мы выехали к себе в импровизированный штаб южной группы.

На наше счастье, светила луна, и мы ехали, не включая фар, по освещенной луной степи. Около перекрестка дорог, в десяти километрах южнее Генераловского, мы заметили кавалерийский разъезд. Высланная вперед на машине команда стрелков нашей охраны встретила кавалеристов.

– Стой! Кто такие?

Они ответили, и все обошлось без особых приключений.

Это был разъезд 255-го отдельного кавалерийского полка, который отходил от станицы Верхне-Курмоярской. От начальника разъезда мы узнали, что там с раннего утра противник крупными силами начал переправляться через Дон.

– Передайте командиру полка, – приказал я начальнику разезда, – вести разведку на фронте Потемкинская, Верхне-Яблочный, следить за действиями противника и за возможным подходом его частей из района Котельниково. Связь со мной держать через штаб двадцать девятой дивизии, который находится в поселке Генераловский.

Приехав в Генераловский, я узнал, что 29-я дивизия распоряжением штаба фронта спешно снимается с участка обороны и перебрасывается на восток, в район станции Абганерово. Я понял, что командование фронта, узнав о выдвижении из Котельниково к Сталинграду с юга 4-й танковой армии Гота, решило 64-ю армию Шумилова повернуть фронтом на юг навстречу 4-й танковой армии. В этом случае подчиненная мне группа прикрывала с юга маневр 64-й армии.

Утром 5 августа нас разбудил грохот взрывов, доносившихся из степи, – это авиация противника бомбила и штурмовала колонны 29-й стрелковой дивизии, которые тянулись по берегу реки Аксай на восток.

В то же утро командиру 255-го отдельного кавалерийского полка было приказано оборонять участок, оставленный 29-й дивизией, включая Чаусовский и Генераловский. Конечно, одного кавалерийского полка для обороны такого участка было мало, но другими средствами мы не располагали. Да и противник, как видно, не собирался атаковать нас на этом участке: он оттягивал свои силы на северо-восток, ближе к железной дороге, прикрывая войска с запада.

От разведчиков нам стало известно, что части противника, переправлявшиеся через Дон у Верхне-Курмоярской, также направляются на северо-восток, оставляя на реке Аксай слабые заслоны. Маневр этих частей был ясен – обеспечить левый фланг главных сил, наступавших от Котельниково на Сталинград обходом железной дороги с юго-востока.

Несколько успокаивало лишь то, что против нашего кавалерийского заслона находились слабые силы, в основном румынские подразделения. Но в то же время волновало другое – движение на северо-восток главных сил противника. Было очевидным, что, готовя удар с юга, он заходил во фланг и тыл всему Сталинградскому фронту и отрезал нас от коммуникаций, от наших баз.

Связавшись со штабом фронта, я доложил о создавшейся на юге обстановке и получил категорическое приказание удерживать позиции по реке Аксай теми силами, которые остались в моем распоряжении.

Предупредив подчиненные мне войска о подготовке к упорной обороне рубежа по реке Аксай, я занялся проверкой готовности артиллерии и минометов к открытию огня, а для того чтобы не быть застигнутым и атакованным внезапно, послал во все стороны разведку.

В резерве остались 154-я бригада морской пехоты и два полка «катюш», которые были тщательно замаскированы в балках.

Наступление немецко-румынских войск началось вечером 5 августа в стыке дивизий Людникова и Куропатенко. Главный удар наносился на фронте протяжением восемь километров. Пехоте противника удалось переправиться через Аксай и частично вклиниться в наши боевые порядки. Вражеские танки, по-видимому, готовились к переправе.

Веря в непогрешимость своих тактических и оперативных приемов, гитлеровцы и здесь действовали по такому же, как и за Доном, шаблону: авиация, затем артиллерийский огонь, потом пехота, а за ней танки. И когда вечером 5 августа наши разведчики и наблюдатели обнаружили перед фронтом обороны скопление пехоты, артиллерии и обозов, особенно в балке Попова, нам уже нечего было долго раздумывать – мы знали: противник будет действовать именно так.

Я решил сорвать это наступление противника.

План был прост: рано на рассвете нанести артиллерийский удар по скоплению противника на исходных позициях, затем дружной контратакой отбросить его пехоту за реку Аксай.

С наступлением темноты противник повел себя беспечно: на его стороне машины двигались с зажженными фарами, нисколько не боясь нашей авиации; танки не трогались – они ждали, когда для них наведут переправы. «Значит, противник рассчитывает, – подумал я тогда, – пустить в ход бронированный кулак, когда его авиация повиснет над нашими головами, когда артиллерия подавит наши огневые точки, пехота двинется вперед. В общем, как всегда, обычным порядком противник рассчитывает проутюжить наши окопы гусеницами».

Ночью я побывал у командиров дивизий – Людникова и Куропатенко – и передал им свой план действий на утро 6 августа. Они поняли меня с полуслова и приступили к подготовке атаки.

Наш расчет на внезапность полностью оправдался. Чуть свет артиллерия открыла огонь по скоплениям противника, и мы, находясь на высоте 147, видели, как из балок и укрытий начала разбегаться вражеская пехота, за ней – обозы и артиллерия. Все это в беспорядке бросилось на юг.

Таким образом, нам удалось почти без потерь сорвать наступление, которое противник готовился начать 6 августа.

В результате боя 6 августа противник понес большие потери убитыми, ранеными и пленными. Мы захватили восемь орудий, много винтовок и пулеметов.

Я убедился, что войска, собранные при отступлении, не потеряли боевого духа, дрались хорошо: в атаки ходили дружно, врага встречали без паники и стойко. А это было самым главным.

Так мы не только устояли перед противником, но и основательно побили его.

К исходу дня, доложив штабу фронта о ходе боев за сутки, я узнал, что в это же время шли ожесточенные бои в районе Абганерово и Тингута, куда была перебросена 64-я армия.

И наконец мне стало известно, что командование Юго-Восточного фронта⁴ возглавил генерал-полковник Андрей Иванович Еременко, которого я знал лично с 1938 года по службе в Белорусском военном округе. И уже ночью послал ему короткое письмо со своими предложениями: не ограничиваться пассивной обороной, а при каждом удобном случае переходить в контратаки и наносить контрудары.

Ответа на это письмо не получил и даже не уверен, что оно дошло до Еременко.

7 августа противник снова перешел в наступление на том же направлении. К полудню ему удалось вклиниться в нашу оборону километров на пять-шесть.

Исправлять положение мы решили опять контратакой. Задача формулировалась кратко: разгромить и отбросить противника за Аксай. Но контратаку решили провести не днем, когда авиация противника действовала особенно энергично, и не утром, как это мы сделали 6 августа, а за два часа до захода солнца, когда его авиации почти не остается светлого времени и когда его танки, отделенные от пехоты, будут еще за рекой. Наша атака опять прошла успешно, противник был отброшен за Аксай.

12 августа по приказу штаба фронта в состав Южной группы вошли 66-я бригада морской пехоты и Сталинградский УР (укрепленный район).

Передача в мое распоряжение этих частей несколько уплотнила довольно редкие боевые порядки Южной группы, особенно на правом фланге. Используя естественные препятствия – реку, овраги, балки, – мы создали прочную оборону.

В это же время части 64-й армии, усиленные 13-м механизированным корпусом полковника Т.И. Танасчишина, вели упорные оборонительные бои с 4-й танковой армией немцев, наступавшей с юга на район Плодовитое, Абганерово.

⁴ 7 августа 1942 года Ставка разделила Сталинградский фронт на два фронта: Сталинградский и Юго-Восточный. В Сталинградском фронте остались 63, 21, 4-я танковая (без танков) и 62-я армии. В состав Юго-Восточного фронта вошли 64, 57, 51-я, выдвигавшаяся к Сталинграду 1-я гвардейская и 8-я воздушная армии.

Было ясно, что гитлеровские генералы, применяя свой излюбленный прием – клещи, будут стремиться ударами с запада и с юга захватить Сталинград и одновременно окружить все наши силы, находящиеся к западу и юго-западу от города. Эти соображения, по-видимому, и послужили причиной для отвода Южной группы несколько назад, к реке Мышкова.

Приказ фронта на отход мы получили 17 августа. Штаб группы тут же разработал план отхода наших войск на новый рубеж.

Ускорив темп, войска группы успешно совершили ночной отход и прибыли на новый оборонительный рубеж без потерь. Отход на новые оборонительные рубежи противник обнаружил с большим опозданием. Только вечером 18 августа над рекой Мышковой появились его разведывательные самолеты. Однако он не стремился атаковать наши части на новых позициях. Вероятно, потому, что не видел в этом целесообразности. В это время основные события происходили на других направлениях: Вертячий, Котлубань, Сталинград на правом фланге 62-й армии и Плодовитое, Тундутово, Сталинград на левом фланге 64-й армии. В боях на этих направлениях участвовало значительно больше войск и техники, чем на реке Аксай.

2

Никому не чуждо чувство самоутверждения. Стойкая оборона Южной группы давала мне право думать, что мои первые самостоятельные решения по организации обороны на Аксае оправдали надежды командования – врага можно не только задерживать на определенных рубежах, но и вынуждать пятиться с большими потерями. Для этого необходимо верить в способности своих войск, в способности бойцов и командиров, не робеть перед опасностью и, верно оценивая обстановку, быть непреклонным в деле выполнения поставленной перед тобой задачи.

Я также понимал, что меня ждут новые, более суровые испытания, ибо обстановка на фронте складывалась весьма трудная и тревожная – гитлеровцы, имея превосходство в танках и авиации, рвутся к Волге, к Сталинграду, не считаясь с потерями. Я готов был к любым испытаниям. Моя молодость закалялась в боях на фронтах Гражданской войны, у меня были моральные ориентиры – славные командиры и комиссары, живущие в памяти со времен борьбы с колчаковцами.

Тогда, в начале 1919 года, прибыв в Казань с удостоверением об окончании краскомовских курсов, я был назначен помощником командира 40-го полка по строевой (боевой) части. Вскоре две маршевые роты этого полка были представлены на смотр командующему 2-й армией Василию Ивановичу Шорину, штаб которого находился в Сарапуле. Я привел туда эти роты в метельный февральский день, но мне было жарко.

Командарм Шорин – строгий и взыскательный начальник – стоял в окружении опытных, с сединой, строевиков, а перед ними какой-то мальчишка показывал боеготовность рот, по сто пятьдесят человек каждая. Собьется один с ноги, ошибется в ружейном приеме – и провал.

Однако бойцы сами почувствовали ответственность момента, подтянулись. В них сработала та самая пружина, которая называется воинским товариществом. Все команды выполняются старательно, слаженно, четко. Поворот, еще поворот, движение развернутым строем, снова свернулись в колонну. Радуюсь – ни одного сбоя. А какими неповоротливыми они были в строю два месяца назад! Особенно вон тот молодняк из второй роты.

Поверяющие стараются быть хмурыми, при взгляде на меня прячут улыбки в усы. Знаю, чувствую – моя молодость их смешит, но мне негде прятать свою ответную улыбку – усы еще не выросли...

Наконец команда:

– Стой!..

Василий Иванович Шорин прошелся вдоль строя, ощупал пытливым взглядом красноармейцев и командиров. По всему было видно, что его вполне удовлетворяли уровень подготовки и настроение людей маршевых рот. В конце он пожал мне руку и сказал, что скоро полк вольется в действующую армию.

В начале марта 1919 года наш полк передислоцировался из Казани в район Вятских Полян. Он вошел в состав 2-й армии Восточного фронта. Батальоны разместились в трех больших деревнях: Тойма, Нижняя Тойма и Верхняя Тойма.

Перебросить полк из Казани на фронт оказалось делом нелегким. Надо было организовать, без суеты погрузить людей в вагоны, распределить по эшелонам кухни, повозки, имущество, лошадей. С чего начинать – никто как следует не знал. Была и еще одна серьезная трудность. Среди красноармейцев нашлись и такие, которые еще более или менее исправно служили в Казани, но, когда назрела пора отрываться от близких, родных и ехать на фронт (а там, «говорят, стреляют»), собрались удирать домой.

В полк приехала армейская комиссия, которая нас предупредила, что командарм Шорин накажет командование полка, если будет допущено дезертирство.

Мы провели разъяснительную работу и, кроме того, приняли строгие меры: в каждом подразделении создали группы проверенных людей, перед которыми поставили задачу – пресекать всякие попытки к дезертирству.

В результате переезд полка прошел почти без потерь.

Мы должны были вступить в бой буквально со дня на день. Дело в том, что в это время началось новое наступление Колчака. Его войска захватили Аханск, Осу, Бирск. 11 марта пала Уфа. Между 2-й и 5-й армиями образовался разрыв в 150 километров. Сюда-то белогвардейцы и бросили полки 8-й Камской дивизии, угрожая Набережным Челнам и Чистополю. Там, на Каме, скопились большие запасы хлеба, так необходимые центру страны.

Нашему полку предстояло сократить разрыв между армиями и прикрыть вывоз хлеба в центр России, удержав эти населенные пункты в своих руках до весеннего половодья. Но сделать это было нелегко – не хватало оружия, особенно пулеметов. Мы имели всего лишь три «максима» на весь полк. Командир полка обратился с просьбой к командующему армией дать полку недостающие по штату пулеметы.

Командарм Шорин ответил ему так:

– У белых пулеметов много, вот и пополняйте за их счет, как начдив Азии. – И, помолчав, разъяснил, что начальник 28-й дивизии Владимир Мартынович Азин – так по имени и отчеству с уважением называл его командарм – обеспечивает снабжение артиллерии своей дивизии за счет врага. Кончились снаряды – приказ кавалерийскому полку: «Прорваться в тыл противника и достать снаряды».

Именно тогда, накануне вступления в бой с колчаковцами, во мне зародилась какая-то особая симпатия к начдиву Азину. Не легенды, которые ходили о нем в войсках и в народе, не его личная храбрость и суровая беспощадность к врагам советской власти притягивали мое внимание к нему. Нет, храбрым может стать каждый: достаточно подавить в себе страх перед опасностью – ты уже не трус; беспощадным быть еще проще – в горячем бою оружие всегда сделает свое дело, лишь бы рука не дрогнула. Я уважал Азина за другое: волевой и находчивый командир, он мог повести за собой людей, как говорится, в огонь и воду. Азин ходил с ними в бой – делил с бойцами и горькое, и радостное. Бывало, беляки бьют шрапнельными снарядами, все поле прошивают пулеметными очередями, прижимая наших бойцов к земле, а Азин идет по залегшим цепям и раскидывает красноармейцам папиросы. Разве после этого не пойдешь за таким командиром вперед?! Разумеется, в том поступке было лихачество, но ведь в ту пору начдиву Азину было всего двадцать три года. Он умел быстро разгадывать замыслы противника, знал его слабые стороны и потому не боялся посылать своих людей в тыл, наносил внезапные удары и тем вынуждал врага считаться с собой.

Слава Азина подогревала и мое сердце: кто же в молодые годы не стремится стать похожим на знаменитого человека, да еще в военное время... Поэтому не скрою, хотел во всем подражать Азину.

В этих устремлениях я был, конечно, не одинок. Многие командиры рот, батальонов нашего полка хотели попасть под командование Азина.

Ни я, ни мои товарищи еще не видели его, однако он уже стоял перед нашим мысленным взором – высокий, подвижный, а голос – что громовой раскат.

И вот стало известно, что наш полк вливается в 28-ю стрелковую дивизию. Поступил приказ: полку прибыть в район вероятных встреч с противником. Второй части приказа – строить походные колонны согласно уставу – мы удивились. И вот почему.

Новых уставов еще не было. Пользовались старыми, к которым наклеивали обложки с надписью: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» – и осваивали пункт за пунктом, параграф за параграфом, пропуская ссылки на бога и царя. Поэтому было особенно удивительно, что Азин, умеющий воевать по новым законам, по-своему, требует выполнять старые уставы. Значит, он не такой простой, как думалось вначале.

Два батальона – 2-й и 3-й – выдвигались на прикрытие Чистополя; 1-й батальон вместе со всеми полковыми командами направлялся через Елабугу, Набережные Челны и далее на Мензелинск. Сюда же было направлено пополнение – около 700 человек амнистированных дезертиров. Из них сформировали батальон.

Возглавив колонну, что двигалась на Елабугу, я всю дорогу думал, как можно выполнить требование Азина «строить походную колонну согласно уставу» (то есть иметь головную походную заставу и боковое охранение), если все люди едут на санях и свернуть с дороги нельзя – кони вязнут в снегу чуть ли не по самые хомуты. Разумеется, конных разведчиков я послал вперед. Но те тоже двигались по дорогам.

В Елабуге ходили уже слухи о близости противника. Говорили, что он вот-вот займет город. Паникеры под различными предлогами спешили уехать в Мамадыш или прямо в Казань. Однако на самом деле противник был еще далеко, главные силы 8-й Камской дивизии Колчака находились пока в районе Бирска, и лишь один полк этой дивизии – 32-й – захватил Мензелинск.

Переночевав в Елабуге, мы с рассветом выступили в направлении Набережных Челнов, где к нам присоединился коммунистический батальон – 400 штыков и сабель. Военный комиссар А.И. Телегин, встретивший нас в Набережных Челнах, сообщил, что в связи с угрозой прорыва в этот район белогвардейцев создан Военно-революционный комитет, который и организовал коммунистический батальон.

Мне не сиделось при штабе полка в Набережных Челнах, тянуло в коммунистический батальон, который занимал позиции ближе к противнику. В нем были люди из Мензелинска, они знали местность; значит, надо как можно скорее выяснить у них особенности расположения города и продолжать движение, стремясь застать противника врасплох.

В штабе батальона меня встретил рослый, в кожанке, комбат М.А. Родионов. До этого он был волостным военкомом в Шуганске. Тут же появились комиссар батальона И.Я. Горбунов, чернобровый, внешне очень похожий на комбата, и адъютант С.Ф. Мамарин, плечистый, с хорошей военной выправкой. Вместе с ним был начальник конной разведки Ф.М. Гурьянов, в ремнях, с казацким чубом и шапкой набекрень, – настоящий кавалерист. Меня познакомили с командирами всех четырех рот – Фатеевым, Стариковым, Андрияновым и Борозной. Последний выделялся среди подтянутых и подвижных ротных командиров своей грузностью и украинским говором. Все ротные были членами партии, а всего в батальоне насчитывалось 43 коммуниста, остальные – сочувствующие и просто добровольцы. Комсомольских организаций в тех краях в ту пору еще не было.

В общем, на такой батальон можно положиться в любых условиях боевой обстановки – не подведет, будет сражаться до последней возможности.

Вернувшись, я доложил командиру полка о составе коммунистического батальона и предложил: ночью выдвинуть полк к Мензелинску. Многие командиры и бойцы коммунистического батальона хорошо знают местность. Совместными силами полк может выбить противника и захватить Мензелинск, иначе из Бирска подойдут главные силы вражеской дивизии, и тогда нам будет труднее...

– Не могу, не имею права, – прервал меня командир полка. – Нет приказа командарма и начдива 28-й о наступлении на Мензелинск.

В разговор вмешался только что прибывший в полк комиссар Алексей Юрьев – питерский рабочий, участник Октябрьского восстания. Он поддержал меня:

– Пассивно оборонять Набережные Челны тактически неверно. Выгодных позиций для боя в этом районе нет. Сидеть на берегу Камы и ждать противника не годится.

После долгих разговоров командир наконец согласился с нами. Он поручил мне действовать с полком по обстановке, а сам решил остаться в Набережных Челнах: он ждал восстановления связи со штабом армии.

Когда разговор закончился, Юрьев подошел ко мне и крепко пожал руку.

– Хватка у тебя вроде питерская, – сказал он мне, – так держать...

Он был старше меня года на три, до прибытия в наш полк участвовал в боях на Северной Двине с белогвардейцами и англичанами. У него, конечно, было больше опыта и политических знаний, но он не кичился этим, говорил просто, доходчиво и умел убеждать. В общем, он как-то сразу расположил меня к себе.

После ночного марша полк остановился в селе Кузембетьево. Здесь нам стало известно, что из района Камбарки на тракт Бирск – Мензелинск выдвигаются 39-й и 43-й стрелковые полки дивизии Азина и отряд Контрыма.

Вечером, после отдыха, полк продолжал движение на Мензелинск. Впереди шли разведчики Гурьянова, в головной заставе – рота коммунистического батальона, а уже за ней – главные силы.

Юрьев, я и адъютант коммунистического батальона Мамарин выехали вперед и догнали разведку. Она двигалась широким фронтом, будто тени скользили по белому снегу, освещенному луной.

В пятнадцати километрах от Мензелинска к нам подскочил посыльный с коротким приказом: «Топтаться на месте нечего. Приказываю взять Мензелинск. Об исполнении донести. Начдив Азин».

– Хорошо, – сказал комиссар, – до сих пор мы делали то, что надо, – и хлопнул меня по плечу.

Он будто знал, слышал, как клокочет в моей груди радость: Азин, начдив Азин передал тот самый приказ, которого я так ждал! Теперь только надо ускорить темп и смелее, смелее прорываться к Мензелинску...

Вскоре разведка слева донесла, что встретила с охранением отряда Контрыма. Через полчаса к нам прискакал и сам Контрым. Любимец Азина, боевой командир. В ночи я не смог разглядеть его лица, но по голосу почувствовал – знает себе цену, хватка азинская. Он тоже получил такой же приказ начдива – атаковать Мензелинск, – только пока не знает, с какой стороны. Город ему был незнаком.

Вот тут-то и пригодились адъютант Мамарин и рота из коммунистического батальона.

Посоветовавшись, принимаем согласованное решение: атаковать противника ночью; 40-й полк с проводниками из роты коммунистического батальона обходит Мензелинск с юга и с рассветом начинает атаку; отряд Контрыма при поддержке мелкокалиберной батареи Маклина наносит по городу лобовой удар.

К утру мороз усилился, наши цепи двинулись в наступление. По городу ударили орудия. В Мензелинске, вероятно, началась паника: там зазвонили колокола. Мы ворвались в город. Белогвардейцы не смогли оказать сопротивление. Они были застигнуты врасплох и в панике бежали.

Надо сказать, что жители города встречали нас не особенно дружелюбно. Возможно, они не верили в нашу прочную победу. Были красные – не удержались, пришли белые – их вышибли, теперь снова пришли красные – их тоже могут прогнать.

Свой командный пункт я разместил на почте. Кое-как связавшись с Набережными Челнами, доложил, что приказ Азина выполнен.

Когда закончил разговор, меня вдруг позвали к другому телефону. Подхожу, беру трубку.

– Это ты, командир? – спросил грубоватый мужской голос.

– Да, я.

– С тобой говорит командир 32-го Камского полка капитан Колышев!

– Здорово, – говорю я. – Ты что, с того света? Как у тебя дела?

– У меня, – говорит капитан, – дела отличные, а ты и твой комиссар веревку ищите. Чтобы вам обоим на ней удавиться.

– Обязательно найду веревку и буду беречь, чтоб при первой встрече тебя на ней повесить.

Капитан обложил меня по-офицерски, а я его – по-матросски. Но разговор на этом не окончился.

– Какой из тебя командир! – продолжал Колышев. – Видел я, каким кавардаком шли в наступление твои боевые порядки. Со смеху можно лопнуть!

– А я видел, как твой образцовый полк трусов во главе с тобой удирает от нас быстрее зайцев.

От злости беляк, видимо, бросил телефонную трубку. В ушах раздался треск, и разговор прекратился.

...Весна 1919 года вступила в свои права. На Каме тронулся лед. Забурлили и мелкие речки.

Теперь правый фланг 2-й армии надежно прикрывался разлившейся рекой. На форсирование ее противник пока не решался. Из Набережных Челнов запасы хлеба были уже вывезены в центр, но еще много его оставалось в Чистополе.

Несмотря на распутицу, колчаковцы бросали в бой все новые и новые силы. Части 28-й дивизии вели ожесточенные бои вдоль железной дороги Екатеринбург – Сарапул – Вятские Поляны. Начдив Азин неумоимо носился по бригадам и полкам. Не отставал от него и комиссар дивизии, закаленный в боях, отважный большевик Георгий Николаевич Пылаев. Они появлялись там, где было трудно, где назревала жестокая схватка, и своим примером воодушевляли красноармейцев. «Солдатский вестник» то и дело разносил по дивизии целые легенды: «Азин ворвался в штаб белогвардейского полка, перерубил всех офицеров и вернулся невредимым», «Пылаев и Азин вдвоем обезоружили целый батальон беляков и всех отправили с красными повязками к самому Колчаку – агитировать за советскую власть».

Если оборону 28-й дивизии противник прорвать не смог, то на других участках 2-й армии было неблагоприятно. Начдив 7-й армии, офицер старой армии Романов, перешел на сторону врага. Вскоре и у нас случилось несчастье. Всем полкам правого фланга дивизии был дан приказ якобы из штаба 2-й армии с требованием начать немедленный и безостановочный отход на запад, не задерживаясь даже на таком рубеже, как река Вятка. Нашему 40-му полку было предложено отойти в Елабугу.

Отходили мы днем и ночью, без отдыха, по труднопроходимым дорогам. В Елабуге нас ждал приказ Азина. Из него выяснилось, что предыдущий приказ был ложным, он исходил

из рук колчаковской агентуры. Теперь нам предписывалось немедленно вернуться и занять оборону по линии село Тихие Горы, Бондюжский завод и далее по реке Тойма.

Мы быстро выслали конную разведку на Бондюжский завод, за ней направили 1-й батальон. Пришла пора выдвигаться колонне главных сил полка, и тут 2-й батальон, сформированный из тех 700 амнистированных дезертиров, взбунтовался. Они категорически отказались выступить. Командиры рот и батальона ничего не могли поделать с ними. Среди взбунтовавшихся были опытные демагоги с кулацкими и эсеровскими настроениями. И, используя наше затруднительное положение, они выдвинули контрреволюционные лозунги, стали требовать выдачи нового обмундирования и многое другое, чем мы не располагали.

Как назло, в этот день комиссара Юрьева свалил тиф. Пришлось мне брать на себя роль «укротителя» бунтовщиков. Два раза собирал батальон, всеми силами старался уговорить идти выполнять боевую задачу, но все мои попытки были напрасными. В третий раз, возмущенный, вскакиваю на коня и несусь туда. По молодости лет и неопытности рассчитываю на этот раз подчинить крикунов строгим приказом.

Врезаюсь в шумящую толпу – и осечка. Меня зажали. Вижу, с разных сторон в голову нацелены винтовки и карабины. Защелкали затворы. Погорячись – и прошьют пулями.

Как быть? Возвращаться в штаб полка, пожалуй, поздно и тактически опрометчиво: мятежники оценят этот шаг по-своему – струсил... Начнут злорадствовать, освищут. Нет, не бывать этому! Понятно, они устали, не хотят идти туда, где опасно, но это не значит, что они вправе игнорировать распоряжения командования полка и дивизии. Почему бойцы других батальонов, такие же усталые и голодные, должны сражаться, а эти сидеть на месте? Кто дал им такую привилегию?

Чувствую, что это понимают многие бойцы взбунтовавшегося батальона, но они попали под влияние эсеровских элементов, которых надо во что бы то ни стало отколоть от этой массы, изолировать. Но как?

И вдруг будто сам собой на ум приходит дерзкий и отвлекающий вызов бунтовщикам:

– Ну что ж, стреляйте или давайте обедать.

Слезаю с лошади и не спускаю глаз, как мне показалось, с самых главных закоперщиков. Они молча стоят справа и слева от меня. Позади – ординарец Петр Якушев. Поворачиваюсь к нему и говорю так, чтобы все слышали:

– Кухни на площадь! Бегом!

Петр все понял с полуслова и стремглав умчался к штабу за кухнями.

Бунтовщики примолкли. Разговор об обеде отвлек их на другие раздумья. Произошел какой-то психологический сдвиг. Этим надо было воспользоваться немедленно.

– Что вы стоите? – обращаюсь к бойцам так, будто мы уже договорились обо всем. – Пошли на площадь и там за обедом потолкуем...

Толпа зароптала, задвигалась.

– Голодное брюхо словами не кормят...

– Правильно, – послышалось с разных сторон.

И закоперщики вынуждены были подчиниться желанию бойцов. Они пошли за всеми к площади, куда выдвигались кухни. Я сумел через ординарца передать командиру коммунистического батальона приказ незаметно окружить площадь, где обедали бунтари, а находившемуся в городе эскадрону 28-го кавполка построиться и быть рядом наготове.

Возвращаясь на площадь, Петр Якушев как бы между делом предупредил закоперщиков:

– Пулеметы и беспощадный эскадрон нацелены на вас. Первый залп поверх голов, а если не послушаетесь, всех покосят и порубят.

Ординарец, конечно, немножко преувеличил, но это сыграло свою роль. Бунтовщики поняли, что дело может повернуться круто. Им ничего не оставалось, как приступить к расправе над котелками с кашей, а обо мне они словно забыли.

И мы с ординарцем незаметно ушли.

В руках бойцов вместо винтовок и карабинов оказались ложки и котелки. Именно в этот момент на площадь выскочили конники, а на выходах с нее показались бойцы коммунистического батальона, которые окружили обедающих.

– Сдавайтесь!

И удивительно, бунтовщики подняли руки с ложками и котелками. Смех и грех.

Теперь разоружить их уже не составляло трудности.

Мы отобрали зачинщиков – их набралось 63 человека, – которых предали затем суду военного трибунала.

Среди них не было ни одного командира взвода или роты. Это говорило о том, что отказ от выполнения приказа и дальнейшие беспорядки в этом батальоне были стихийными, вызванными усталостью, чем воспользовались подстрекатели.

...19 апреля командир полка Дудин решил атаковать противника и захватить село Тихие Горы, а затем наступать на деревню Бондюга. Выполнение этой задачи возлагалось на 1-й и 3-й батальоны. Командир полка, естественно, воздержался сразу бросать в бой 2-й батальон.

Рано утром батальоны, переправившись через реку Тойма по узкому пешеходному мосту, вышли к западной окраине Бондюжского завода и заняли исходное положение. Артиллерии у нас не было, у противника – тоже. С рассветом наши цепи пошли в атаку. Враг оказывал упорное сопротивление. Однако главным силам полка удалось продвинуться вперед так, что настала пора подниматься в штыковую атаку. Так и сделали. Белые не выдержали и покатились назад. Мы стали их преследовать, старались отрезать отход на восток.

Мне было хорошо видно в бинокль все поле боя, каждого бойца. Когда мы уже считали, что наше наступление увенчалось успехом, противник бросил в контратаку свой резервный батальон. Этот батальон действовал довольно решительно и тактически грамотно. Он отбросил нашу левофланговую роту, которая прикрывала полк со стороны деревни, и стал угрожать флангу главных сил, которые уже подходили к селу Тихие Горы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.